

Перевод Н.А. Акимов

ОПИСАНИЕ

Пребывания
ФРАНЦУЗОВ В МОСКВЕ
и
ПОЖАР ЭТОГО ГОРОДА
в 1812 году

жителем Москвы,
а так же различные документы, относящиеся к данному основополагающему событию
Все аннотировано и опубликовано А. ГАДАРУЭЛЬ

БРЮССЕЛЬ
Морис ОЛИВЬЕ. Продавец.
Улица Прихожан

1871

Предисловие

Милостивый государь,

Посылаю вам описание, которое я вам обещал; желаю, чтобы с ним ознакомились все заинтересованные читатели вашего уважаемого сборника. Согласно заявлению г-на графа Уварова, бывшего министра народного просвещения в России, этот рассказ был написан шевалье Изарн; я не только не нахожу ничего, что смогло бы опровергнуть это высказывание, но простой и непритязательный стиль рассказчика настолько в связи с тоном и разговором этого уважаемого человека, которого я имел честь знать, что не стесняюсь не разделить это мнение. Я должен однако заявить, что долго живя в дружеских отношениях среди товарищей шевалье, никогда не слышал, чтобы он записал рассказ о событиях, которые происходили на его глазах; если только мне не изменяет память об этом факте.

Информация, которую я могу дать об авторе, очень кратко. Франсуа-Жозеф д'Изарн Вильфор, шевалье Сент-Луис, был хорошей родословной (1), но я не знаю, в какой части Франции он родился. Он служил в пехотном полку, когда вспыхнула революция; затем эмигрировал и поступил на службу в армию Конде, где он нес службу мушкетером все то время, пока была армия. После своей отставки он приехал в Россию, поселился в Москве, которую никогда не покидал, если я правильно помню, до его смерти, пришедшей к нему 25 декабря 1840, ему было 77 лет. Он занимался торговлей продуктов и даже управлял собственностью аристократической семьи. Он автор книги: «На понижение цен на сельскохозяйственную продукцию в России». Список конкурса по вопросу о политической экономии, опубликованный в Императорской Академии наук 29 декабря 1829 года (материал получил поощрительную премию) в Санкт-Петербурге, улучшения имп., акад., 1829 год. №8 гл.XIV, 42 стр.

(1) Примечание (А) на стр. №51.

Когда я увидел известного нам шевалье, он был высоким и тощим старым человеком, выступавшим медленно и нежно, с совершенными манерами, и беззлобным. Он любил достаточно много рассказывать анекдотов, что иногда его делало немного моложе. Обедая с ним, в сельской местности, среди соотечественников, летом 1834 или 1833 года, разговор снизошел на

последние поступления газет из Франции. Кто-то рассказал о проявлении мужества, которое имело место при только что состоявшемся пожаре; каждый сделал свои замечания. Шевалье д'Изарн затем рассказал про акт самоотверженности епископа, который освободившись от сутаны, поднялся по лестнице через пламя и спас бедную параличную в Капернауме, которая собиралась погибнуть. Поразило сходство этой истории с чем-то подобным, что вроде я читал в детстве, я спросил без злобы шевалье, в каком последнем номере нашего журнала он видел этот факт. Все присутствующие увидели, что мой вопрос - это плохая шутка молодого человека, но этот достойный человек был не того же мнения. Кроме того, он собирался рассказать нам о личной жизни Его Высокопреосвященства Бельзунче, епископа Марселя, рассказанной около ста лет в многочисленных изданиях журнала «Мораль и поступок» 1).

1) примечание В.

Я возвращаюсь к этому описанию. Почему оно осталось неизвестным до настоящего времени? Легко ответить на этот вопрос. Господин д'Изарн был мирным и приятным человеком; излив в этом написанном свой гнев против Наполеона, он, без сомнения, затронул стороны некоторых людей, и затем отложил ее; кроме того, опубликовать в России рассказ фактов, которые там только что происходили и о которых знал весь мир, было бесполезно и даже неосторожно. Он начинает свой рассказ с даты 1/13 сентября, и все же он должен был рассказать о вещах, которые его сильно поразили, это последние акты генерала-губернатора графа Ростопчина. Не говоря уже об исторической проблеме пожара Москвы (1), умалчивая об ужасной смерти Верещагина (2), он мог бы нам дать некоторые подробности об особенностях, представляющих интерес для французской колонии, например, арест учителя фехтования Мутона, депортацию на лодках по Волге сорока французов, среди которых он насчитывал много друзей (3); он мог бы говорить о бичевании и об отправке в Сибирь, о Турне, шефе-поваре графа Ростопчина, (4);

(1) Voy. примечание С.

(2) Voy. примечание D.

(3) Voy. примечание E.

(4) Voy. примечание F.

к счастью, у них были многочисленные родственники и шевалье был близок со многими из них. Он был более сдержан, чем аббат Сюрюг, пастор церкви Святого Людовика Французского, который говорил без страха в своих письмах о сожжении Москвы в 1812 году, посылая их к отцу Буве (1); хотя я сомневаюсь, что этот аббат имеет свое отношение к тому, что было напечатано, потому что первое издание в виде рукописи, будучи напечатано в тридцати экземплярах, не было изъято. Второе было переиздано в 1823 году, чтобы служить в качестве контроля об истине пожара Москвы графом Ростопчиным.

Это подтверждает мое мнение, что описание пребывания французов в Москве, написанное от руки аббатом Сюрюгом и хранилось в архивах церкви Святого Людовика, было похищено, и затем оказалось в бумагах бывшего губернатора Москвы. Я мог бы сравнить два письменных отчета, написанные аббатом Сюрюгом, будучи в состоянии получить один печатный, но я могу говорить об оставшемся рукописном, который был в моем распоряжении; к сожалению, я забыл взять копию перед возвращением рукописи на прежнее место в архив прихода.

1) Voy. примечание G.

Аббат Сюрюг, хотя и бывший эмигрант, не проявляет свою враждебность к Наполеону, которая показывается шевалье д'Изарном; он говорит просто и без комментариев; его история о том, что видит человек, шевалье, интеллигент.

Теперь, когда эти факты относятся к истории, и когда прошло более пятидесяти лет с тех несчастливых дней, хорошо бы собрать документы меньшего размера, которые послужили бы для будущих историков. Есть много ошибок, которые вкрались в книги, написанных в то время: например, история, которую дал нам граф де Сегюр, по крайней мере, что касается пребывания Наполеона в Москве, заполнена фактами ложными или измененными по желанию: я не знаю, пользовался ли этот писатель многочисленными критическими замечаниями в течение появления своей работы; у меня перед глазами только четвертое издание. Во многих этих критических замечаниях, на фоне вспышек страсти, найдены существенные поправки.

Серьезный упрек, который надо сделать г-ну де Сегюр, заключается в преуменьшении, к удовольствию своего героя, и иногда это

оказывается смешным. Наполеон был удивлен увидеть народ, вставший на защиту своей независимости; разорение Москвы ошеломит и затемнит его гений, это понятно; он хотел заблуждаться и обманывать всю Европу, которую он вынудил аннулировать перед своим очень могущественным желанием, своими провозглашениями, порядками, декретами, в том числе знаменательным декретом, датированным Москвой и реорганизуящим Комеди-Франсез, все это доказывает, но еще далеко от действительно странного портрета, который нам дает г. де Сегюр.

Теперь, когда умиротворение делается вокруг этого большого рисунка, и когда можем его созерцать без ужаса, многочисленные внутренние публикации знакомят нас с преследованиями, которыми он продолжал подвергать высокие умы, которые не склонялись перед ним, и которые не хотели служить ступенькой для его величия, мы можем увидеть слабые стороны этого колосса. При чтении его объемной Корреспонденции, несмотря на многочисленные уничтожения, которые были сделаны, в них распространяется в каждый момент след мелочных, недостойных забот таланта такого правителя. Это не для внимательного чтения «Мемориала Острова Святой Елены» и мемуаров, опубликованных его компаньонами по плену, избегающих думать о том, как мало достоинства и устойчивости души у человека, предназначенного для легенды веков. Какая малость нужна, чтобы вспыхнуло каждый раз его раздражение против мелких неприятностей, которым его подвергает надсмотрщик Англии в своей каторге на Острове Святой Елены (1).

1).Voу. примечание Н.

Я заканчиваю вступление, которое не будет иметь никакой заслуги в глазах военных; но я признаю, я этим и не занимался; так как я уважаю человека, который защищает свою родную землю, как много у меня сочувствия к тем, кто не стал инструментом подавления в руках честолюбивого. Родившийся в конце империи, в центре Шампани, мое детство прошло среди следов опустошений, когда иностранные армии топтали мою страну; перед моими глазами оказывались поля битвы Бар-сюр-Об, Шамп-Обер, Монмирай,.. Уехавший из Франции в возрасте двадцати лет, я нашел за границей злопамятность против французов, мотивированной болями и

унижением, которыми Наполеон и его армии поили Европу (1). Прибыв в Москву, я обнаружил, пятнадцать лет спустя, все стороны и следы оккупации этого города. С тех пор мое мнение о разуме завоевания было остановлено, и ничто не смогло его изменить потом. Когда случай положил мне в руки этот рассказ, день ото дня, от скромного жителя Москвы, я подумал, что было бы полезно его опубликовать; я желаю, чтобы это было также и ваше желание.

(1) Voy. примечание J.

**Примите, милостивый государь,
мои нетерпеливые приветствия..**

Можайск, декабрь 1868.

Гадаруэль.

Приготовив копию с «Описания», которую я вам посылаю, я ее показал редактору «Русского Архива» (Rouski-Arkiv); г-ну М.П. Бартеневу, считая его довольно большим знатоком; была бы большая честь попасть в колонки его исторического сборника. Он попросил меня позволить ему сделать перевод «Описания» применив ссылки: «я присоединил»(jy) и «мне предоставленные»(jy) Русский перевод был закончен и напечатан по большей части, когда г. Бартенев получил несколько частей документа из Швейцарии от господина Френсиса д'Ивернуа, который выполнял в России с 1812 по 1813 год полу-официальную миссию английского правительства. Главная часть этих документов была другой копией с «Описания» шевалье д'Изарна, но не несла никакого указания, способного определить имя автора. Я сравнил эти две копии, тщательно записывая небольшие изменения в нем, впрочем, очень мало значительных. Был исправлен стиль во многих местах, он стал больше напоминать тихую, спокойную беседу, он потерял свою простоту и безыскусственность, и главным образом развитие, необходимое для понимания событий. Несмотря на хлопоты переписчика, почти ни одно имя не переписано точно.

Эти документы содержали еще: 1. картины домов Москвы, раньше и после пожара; 2. серию вопросов, направленных С. Ф. (**Френсис — прим. переод.**) Ивернуа, с ответами, сделанными бывшим управляющим графа Ростопчина; я поместил эти две части в «Описание». Была даже дана таблица по российской торговле, поднятой с намерением вставить ее в Историю континентальной блокады и ее влияния на судьбу народов, как планировал господин

Френсис, но он ее не вставил, кажется; так как эта картина не вписывается в категорию документов, которые я здесь публикую, то и я это не использовал.

Москва, июнь 1869.

Этот скромный рассказ одного из самых ужасных эпизодов современности был давно подготовлен к печати; причины, не зависящие от моей воли, привели к задержке публикации. Появление его перед войной было бесполезно, я так думаю. Глупость и некомпетентность Почетного заговорщика, в руки которого Франция отдала так безумно свои судьбы, решил, что два народа, созданные для объединения, должны покорить результаты цивилизации, и еще предались бы этим ужасным массовым убийствам, которые опьяняют победителя и помещают в сердце побежденного желание мести, когда он не испытывает недостатка в предлоге, когда придет время брать свой реванш.

К несчастью, я мирный человек. Я вынужден очень остро ощущать такие чувства. Родившись французом и лотарингцем, я не могу привыкнуть к мысли, что я и мы все стали для удовольствия и для удовлетворения погонщиков человеческого скота, немцев и пруссаков. Франция заслужила наказание, которое ей было причинено, я признаю; но Пруссия не была ли она слишком далеко в своей мести, лишив миллионы людей их национальности и заставив их изменить ее, несмотря на свои убеждения; это то, что Провидение решит, конечно, однажды.

*****

1

МЕМУАРЫ

жителя Москвы

во время пребывания в ней французов в 1812 (1)

« Эти мемуары были написаны французским эмигрантом, которого я хорошо знал, но чье имя я забыл. Но потом вспомнил, это - г. Изарн». (Подпись: Уваров).

После сражения у Можайска (2), мы скоро узнали, что армия (русская) совершила ретроградное движение, и те, кто продолжал говорить, что французы не войдут в Москву, основываясь на уверенности, столько раз повторенной, во втором сражении, которое должно было иметь место в десяти верстах (3) от Москвы, на заранее укрепленных позициях,

(1) Г-н Ивернуа: Фрагмент письма, написанного в Москве в ноябре 1812.

(2) Г-н Ивернуа: После Бородинского сражения. Voy. примечание К.

(3) Верста равняется почти с километр в длину.

2

оставались защищать город, так как что-то подобное было объявлено уже за несколько дней, подтверждая это распределением вооружения, сделанного с тем намерением, что это будет

общественным упреком отдельным индивидам, которые оставляли Москву без перспективы к возвращению.

Согласно этим данным, будучи преисполнен решимости оплатить свой долг, когда придет время и мне пришлось бы ожидать катастрофу, наиболее важным являлось то, что я должен был моим кредиторам защитить до последней секунды дом, который я им доверил для обеспечения их финансовых требований (1); один роковой опыт меня слишком хорошо научил, что тот, кто выходит из дела, его теряет; это был не тот случай, слушать ужасы или обращаться к собственному вкусу; мое место состояло в том, чтобы остаться, и я остался.

1 сентября я начал с того, что сходил за покупками в немецкую Слободу (2); возвратился к себе вечером рано, изнемогая от усталости, но полный решимости идти на следующий день ранним утром, узнать сведения (3) о подходе французов. 2 сентября в восемь часов я вышел из дома и прибыл в окрестности

(1) Voy. примечание L.

(2) Г-н Ивернуа: у М. вашего сына.

(3) Г-н Ивернуа: что я обещал г. Пюиль.... Я прибыл к нему вечером, он уехал.

3

Слободы. Меня поразило изобилие убегающих: кареты, тележки, дрожки, экипажи всех видов, люди пешком, несущие свое бремя, следовали друг за другом непрерывно. Я видел простых бедных женщин, подавленных под весом тяжестей свыше их сил, уносящих до последней мебели своего домашнего хозяйства, бросая крики отчаяния; за ними следовали их дети, проливавшие слезы. Наконец, это была просто полная эмиграция. Это соревнование убегающих продолжалось с восьми часов утра (1) до полудня, и как только улицы по различным причинам стали небезопасными, каждый из оставшихся в своем доме ждал будущее с тревогой.

Мы знали, что князь Кутузов пересек город в девять часов утра (2), следуя за колоннами войск, но это не была армия. Молчание, которое сменило беспокойство утра, оставляло весь досуг для взвешивания наших вероятных шансов нашего положения; ожидали прохождения войск или начала военных действий; из моих окон можно было видеть, как вдоль насыпей (3) прошли несколько казаков, после них другие военнослужащие, а за ними спокойно

шагом шли лошади.

(1) Г-н Ивернуа.. длился с трех часов...

(2) Г-н Ивернуа: в восемь часов.

(3) Voу. примечание М.

4

Наше живое внимание, наконец, зафиксировал на этих войсках духовой оркестр трубачей; это были французы! Какой момент глубокого огорчения. Они вошли в город силу устного соглашения, заключенного у Смоленской заставы, между офицером казаков и главой французского авангарда, соглашения, которое гласило, что русские покинут город без боя, при условии, что со своей стороны, французы, не совершили бы ничего до момента, когда русские войска пересекут якобы город. В то время как это соглашение осуществлялось, авангард французской армии мирно следовал за отступающими русскими, и мы оказались бы во власти французов этого даже не подозревая, если бы выстрелы из ружья и два пушечных выстрела, выпущенные из Кремля, не указывали нам момент сопротивления. Корпус французского авангарда, под командованием генерала Себастиани, по приказу короля Неаполя, был направлен в Кремль.

В тот момент, когда генерал прошел под дверь, которая выводила на Никольскую улицу, он увидел вооруженных мещан, собравшихся около Кремля, в количестве двухсот; он обратился к одному любознательному, который находился в это время под дверь рядом с ним, и ему говорит: «Вы по-французски говорите, Сударь? Будите ли Вы так любезны сказать этим людям, чтобы они положили оружие, или я

5

прикажу открыть огонь». Любознательный очень затрудненный поручением (главным образом из-за слабого знания русского языка) следует акту гуманности, на который его пригласили, чтобы прекратить очень неравный бой, и собрался ораторствовать среди двухсот русских. В это время раздалось несколько выстрелов из ружей, направленных в французов, которые все это время медленно продвигались. Им же ответили двумя пушечными выстрелами; к

счастью участника переговоров бой закончился быстро; русские бросают свои ружья и мирно уходят(1).

Вступление на территорию Кремля закончено, но генерал Себастиани не отпускает своего участника переговоров, и заявляет ему, чтобы он привел его к валу, через который русские совершили свое отступление. Он сильно сконфужен этим новым поручением и пытается его избежать, но напрасно; генерал очень вежливо заявляет ему, что он обязан их отвести и встает впереди колонны за новым проводником. Прибыв к валу, через который должна была пройти французская армия, проводник думает, что он свободен, и показывает дорогу генералу;

«Нет, Сударь, этого не достаточно»

«Но, генерал, я просто валяюсь от усталости»

(1) Насколько этот рассказ расходится с тем, что дает нам г. де Сегюр . Ист. Нап IV изд., стр.11, 41). г-н придворный, как его называет генерал Гурго, хочет всегда делать эффект.

6

— Хорошо, месье, мы дадим Вам лошадь!

Наконец, этот несчастный был вынужден привести колонну до заставы на Владимир (1), подталкиваемый приказанием генерала, который отнесся к нему очень хорошо, что нужно отметить, и по этой причине проводник тоже отнесся к генералу с должным уважением. Эта забавная история и тысячи других из этого рода определили судьбу многих иностранцев, оставшихся в Москве; они сочлись скомпрометированными отношениями, которых они не смогли избежать, и по этим причинам оказались безрассудно привязанными к своей партии.

В то время как французский авангард завладевал таким образом городом, несколько иностранцев в небольшом количестве показались на улицах или выглядывали в окна; все остальное население закрылись в своих домах и не открывали никому. Эта пустота и тишина Москвы, действительно, представляли собой внешнюю сторону ловушки, тем опаснее полагали потому, что большая часть населения просто для чего-то затаилась в своих домах. При таком порядке вещей, Бонапарт был еще около заставы на Смоленск(2), в

(1)Застава на Владимир или из Рогожская застава.

(2)Застава Дорогомилев (Дорогомилевская застава). Дом, где Бонапарт остановился и где он спал, еще существует в четверти километра от заставы, приблизительно в тысяче шагов от дороги, которая ведет к Смоленску.

пригороде, ожидая депутацию властей или кого-нибудь из магистрата города. С полудня до двух часов, никто не явился, тогда решились послать польского генерала найти кого-нибудь из магистратуры.. Этот генерал встретил Виллера, которого он заставил отвести себя к Губернскому правлению, в Думу, в Полицию (1), к Генерал-губернатору, наконец везде, где могли встретиться хоть какие-нибудь остатки Магистратуры. Эта досадная встреча, которая представилась Виллеру, имела неприятные последствия уже у начальника полиции (2). После многих бесплодных поисков, польский генерал решил возвратиться для отчета Бонапарту в том, что в Москве не осталось никого из представителей власти, и что город был пустынным, за исключением нескольких иностранцев, которые остались там. В связи с этим Бонапарт отложил свой вход в город; это известие было трудно связать с его гордостью, не будучи в состоянии сделать статью в биллетене о своем входе в столицу России. Возможно, воспоминание о Смоленске оставляло в нем опасения; в любом случае, он посчитал, что до следующего дня жители организуют якобы депутацию, или по крайней мере французы, итальянцы, немцы его

(1) В регентстве Правительства, в Муниципалитете (что до недавнего времени регулировалось купечеством).

(2) Voy. пункт №6 в результате судебного разбирательства.

подданные, представили себя анонимно. Ничего этого не произошло. Бонапарт спал у заставы, в доме трактирщика, и во вторник 2 сентября, в два часа, отправился в Кремль, без тамбуров и трубачей, возмущенный тем, что офицеры его свиты называют все это наглостью и беспрецедентным оскорблением (1). В ночь с понедельника на вторник, 2 сентября, огонь сначала вспыхнул на Солянке, возле двери Воспитательного дома (2), он был потушен в течение нескольких часов. В то же время вспыхнул пожар в городе (3) в той части домов, которые образуют правую сторону улицы на другой стороне Яузского каменного моста; это было среди бела дня, и эти два пожара вызывали растущую тревогу; считали, что пожары

в городе потушены не до конца; за Яузой все подчинялось Королю Неаполитанскому, проживавшему в доме Баташева, и кто хотел бы там,

(1) Шевалье не согласен с г-н де Сегюром, который говорит о прибытии Наполеона в Кремль ночью, Gourgaud ставит эту запись, в шесть часов утра.

(2) Солянка или соленые торговые ряды, по аналогу Мясницкой (№111 , 65 и 88), проход в Воспитательный дом (86,87) в том числе прилегающие к нему две церкви (84,85).

(3) Этот город называют Китай-город , где находится Гостиный двор и все торговые ряды (№ II на плане).

9

был в безопасности. В течение дня вторника, огонь взорвался снова в огромной улице Покровка (2), в доме Трубецкого, и на главной улице Арбате, на всей дороге, которая ведет к Смоленской заставе (3). Жители видели, как горели их дома с невозмутимостью, которую может дать только вера в фатализм. Некоторые вытаскивали иконы, помещали их перед дверью и уходили (4); другие, к кому обращались, почему они не противились пожару, отвечали, что они опасались быть убитыми французами, если бы они его гасили; иными словами: Бог это хотел.

(1) Яузская - продолжение Солянки, они отделены каменным мостом, брошенным через Яузу (N IX, 36).

(2) Покровка, огромная улица, которая проходит через кварталы Мясницкой. отделяет Сретенскую от Яузской, и тянется за пределы Москвы (III, 5у; IX, 12). Дом Трубецких в квартале III.

(3) Это улица и вся остальная часть дороги до заставы, по которой последовал Бонапарт и его армия, чтобы войти в город.

(4) Этот обычай долго существовал и существует еще в провинциях. В течение ужасных пожаров, которые бушевали в Москве в лето 1834, я часто был свидетелем этого обычая, столь мало имеющего связь со словами поговорки: «На бога надейся, а сам не плошай». Помещается икона на стол, или ребенок рядом с пожаром, который продолжается или останавливается.

10

Вы понимаете, что с такими положениями, только спокойствие воздуха и отсутствие ветра, могло немного замедлить распространение пожара города. Французы же со своей стороны, видя беззаботность жителей, чтобы спасти свои дома, нисколько не побеспокоились, чтобы пресечь это в корне; пожар распространялся все больше и больше, и об этом говорило спокойствие в кварталах, удаленных от катастрофы, как если бы вы из Ст.-Петербурга

смотрели на пожар в Стокгольме. День и ночь вторника произошли таким образом. Французские войска были в городе в небольшом количестве, и почти везде на биваке, главным образом в различных заставах, где они были расквартированы. Жители, которые хотели сохранить свои дома, сделали это легко, так как там не было еще беспорядков.

В среду утром к девяти часам поднялся ураган, ужасной стремительности; вот когда начался большой пожар. Из моего окна, мы увидели как это взорвалось за рекой и за Комиссариатом (1), и последовательно

(1) В районе квартала Пятницкая (IV плана, бывший комиссариат (№ 8) и новый (№ 7) зависят от военной администрации, которая владеет землей, расположенной между ними).

11

с интервалами, всегда возвращаясь к подветренной стороне; он распространился в течение часа в десяти разных местах, так что вся обширная равнина, покрытая домами, в любом пространстве за рекой (1), представляла из себя море огня, чьи доходы шли в воздух, и везде носились разорение и испуг. В то же время пожар снова вспыхнул в городе с еще большей силой, чем в первые дни, главным образом в стенах магазинов (2); огонь нашел продовольственные товары, чьи магазины были переполнены. Это обстоятельство, насилие бури, суженные, рядом стоящие помещения и множество подожженных пунктов сделали все, что обеспечить невозможность оказания помощи. Несчастные владельцы думали больше о том, чтобы сохранить наиболее ценные вещи и убежать. Это дало толчок к началу разграбления, и что пощадило пламя, попало в руки солдат. («Никогда в жизни вы не увидите более ужасного спектакля... Пламя бушует во всех точках и на всех точках грабители преследуют свои жертвы!» Г-н Ивернуа).

В то время как огонь сжигал город дотла, другие кварталы были также

(1) Вся Пятницкая и Якиманская, № IV и V плана.

(2) Гостиный двор или базар, старый и новый.

12

в огне; Пречистенка (1), Арбат, весь квартал Тверской (2), и оттуда, следуя насыпи (3), Красные ворота и Воронцово поле до Яузы; за

Яузой - Таганка, везде видели только пламя (4); вся атмосфера выше города была океаном огня, который извергал зажженные факелы, и расширение воздуха, вызванное жарой; это еще больше делало огонь стремительным ураганом. Нет! никогда небо в его гневе не показало людям более ужасный спектакль: пламя в каждой точке, грабители, преследующие жертвы, и не знать, где спастись!....

Тогда большое число иностранцев искали свое спасение в различных французских лагерях, расположенных на окраинах города; кажется, что они были сохранены там.

Бонапарт, который из окон Кремля мог наблюдать за всем развитием пожара, информирован о том, что схватили поджигателей в самом Кремле, и что пожар уже там,

(1) Пречистенка, VI квартал плана.

(2) Тверская, II квартал плана.

(3) Поддерживая пояс внутренних бульваров, который зажимает Белый город, составленный из первых трех округов.

(4) II, VIII, IX округа.

13

поэтому он удалился в Петровский дворец (1) и провел ночь там. Весьма вероятно, что он опасался ловушки, неизбежность города могла сделаться опасной, что, впрочем, могло бы объяснить, почему он не использовал свои войска, чтобы спасти несколько районов города, хотя бы для казарм, что было, конечно, возможно. Вы можете легко судить, какие печальные мысли посещали его в своем Петровском дворце; сон, без сомнения, не закрыл, ни его веки, ни тем более несчастным жертвам этой ужасной ночи. На следующий день с шести часов утра, Бонапарт послал одного из своих адъютантов просить со своей стороны мадам А *** t (2), укрывшуюся в соседнем лагере беженцев, отправиться к нему. Для этого запрягли тощую лошадь, какую смогли найти, в дрожки, и адъютант сопровождал мадам А *** t , которая отправилась из лагеря как есть, в своем платье

(1) Петровский дворец расположен, приблизительно, в четырех километрах от Москвы; это - странное здание в восточном стиле, которое почти было заброшено, будучи мало обитаемым. Потом, место было украшено; там был создан парк, арендованная земля была покрыта садовыми, летними домами и садами, и т.д.. но эти благоустройства датируются только 1834 годом. Теперь это место прогулок для москвичей, которые туда отправляются вечером, чтобы там пользоваться свежестью и, гуляя, слушать военную музыку.

(2) Мадам А***t должна быть мадам Шальме, содержательница модных магазинов в Москве и шпионка Наполеона (**прим.перевод.**)

Прибыв к воротам замка, маршал Мортье вышел встретить ее, подал ей руку сопроводил до большой залы, в которую она вошла уже одна. Бонапарт ждал ее, стоя в проем большого окна; в то время, как она появилась, он подошел к ней и сказал: «Я слышал, вы несчастны, сударыня, вы потерпели значительные потери?» Далее разговор пошел один на один, вопросы и ответы длились около часа, после чего мадам А***t была отпущена и вернулась назад с той же церемонией, что и по прибытии. Бонапарт сказал ей, что если у нее возникнут любые пожелания или просьбы к нему, он обязательно их рассмотрит; это стало предметом письма, которое было найдено потом в документах мадам А***t. В нем она излагала, что видя себя вынужденной в силу обстоятельств войны, оставить здесь кучу денег, 500.000р. в пределах в России и вне ее 300.000р., просит обезопасить себя от уголовного преследования от своих кредиторов. Что касается разговора с Бонапартом, мы не знаем, что думать о великом человеке, видя как он спрашивает, кого! мадам А***t, на предмет политики, администрации... (1), наконец искать ответ для руководства у женщины! Не надо думать, что она была единственная, у кого он просил об этой услуге;

(1) Voy. примечание N.

много дураков было представлено ему в Кремле, более серьезные и мудрые же бежали от этой чести, сославшись больными. Мне было любопытно узнать, наверное, как и вам, что он спросил у этой дамы и как она выпуталась из своих ответов; она мне процитировала несколько, которые свидетельствуют о верности суждений, и беспристрастности. Например, Бонапарт спросил ее, что она думает об идее дать свободу крестьянам. «Я думаю, Ваше Величество (1), может быть, только одна треть оценила бы это благословение, другие две трети не будут даже знать, что вы хотите сказать им. Вслед за этим он взял понюшку табаку; это обычно было его привычкой, когда он испытывал некоторое раздражение.

Хотя город находится в огне со всех сторон, действительно, нужно, чтобы я вам сказал также о том, чем я стал. Среда, около пяти часов

вечера, я расположился у окна моего дома, чтобы следить за дорогой, которую заватывал пожар, я увидел как огонь преодолел стену города со стороны Варварки, и меньше чем через

(1) Титул: Сир никогда не используется в России, когда говорят по-французски, венценосцу; это, вероятно, из-за страха, что будет намек на пищу, российский сыр: сир).

16

полчаса огонь был перед забором моего дома, в стороне от церкви (1). Несколько местных жителей, соседей, изгнаны из своих жилищ огнем, бежали во двор моего дома; они собрались у меня, чтобы сбить забор из досок в стороне от церкви; деревянный дом, в котором были подвалы льда, загорелся, но для меня это было неважно; я положил в мой план обороны принести в жертву все деревянные хозяйственные постройки, чтобы сохранить корпус главного здания. К сожалению, количество беженцев, которое было в моем доме, взял страх увидев языки огня, и все бежали, даже мои жильцы: постояльцы и актеры(2). Я занялся тем, что вышел из комнаты, в которой я жил в одном из крыльев, взяв свои самые необходимые вещи, когда произошло это бегство. Ничего не подозревая, я оставался еще долгое время во дворе помогать, там, где я был наиболее нужен; наконец я возвратился, совершенно усталый, чтобы посмотреть то, что делали мои постояльцы во внутренней части

(1) Варварка (I. 88 плана) - одна из наиболее коммерческих главных улиц Китай-города; перед стеной Китай-города оказывается бульвар, который автор называет вал.

(2) Шевалье хочет сказать, что он поселял актеров французского театра; voy. Примечан. Q.

17

дома. Я спускаюсь в квартиры на цокольном этаже, никого; я поднимаюсь на первый этаж, никого. Тогда, действительно, пораженный этим отсутствием всех, я пал духом, так как не знал, как защитит себя от распространяющего огня, когда я стал подниматься по лестнице на чердак, то увидел, как конструкция крыши была вся в огне. Огорченный, я опять возвращаюсь в квартиры цокольного этажа, я вижу, что огонь атакует окно; было небольшое средство спасения в сводчатых квартирах, но надо было двигать мебель, а я был один. Смирившись с тем, что оставлю дом в пламени, я хочу пойти еще раз из любопытства посмотреть квартиру

рядом с входной дверью, единственную, которую сегодня еще не видел; там я нахожу старого г. де Трассана, инвалида, глухого, который мне говорит: « Все ушли, а я остался здесь, чтобы жить или умереть с вами. »

Конечно, это - красивая самоотверженность, но какая из этого помощь! Чтобы хоть как-то обезопасить его от огня, я его быстро увожу через комнаты, заполненные дымом, к маленькой лестнице, которая вела в подвал. Я намеревался укрыться в подвале с этой стороны; я спускаюсь первый, рискуя быть раздавленным железными листами (1), которые обрушивались со всех сторон. Какой же был мой ужас,

(1) В больших городах России, крыши домов покрыты железными листами; в пригородах и городках они обычно покрыты досками.

18

когда я увидел, что дверь подвала находится в огне! У меня не оставалось выбора, как возвратиться с моим товарищем через все комнаты на прежнее место, где дым оставлял нам больше воздуха, которым еще можно было дышать. Но вскоре мы поняли, что оставаться долго здесь нельзя, но пожар горящих зданий во дворе, делал наш побег невозможным; что делать? Мы уже смирились и отважно ожидали смерть, когда у г. де Трассана возникла хорошая идея, открыть крышку печи и дышать через нее (1), в действительности, мы получили тогда большое облегчение от дыма, который душил нас. Но вскоре, к нашему несчастью, огонь с балкона стал подбираться к двери той комнаты, где мы находились, что с минуты на минуту доберется и до нас. Я кидаюсь к окну, внизу бушует ветер, и бросаю матрас на покрасневшие упавшие железные листы

(1) Русские или лучше голландские печи заменяют камины; трубы для дыма имеют большую силу вытяжки и могут служить для проветривания квартиры. Когда дерево прогорело и угли не содержат больше углекислого газа, тогда перекрывается сообщение между трубой и очагом при помощи крышки; жара тогда оказывается сконцентрированной в очаге.

19

крыши, заставив обещать г. де Трассана последовать за мной, я прыгаю вниз, а потом ловлю моего товарища в свои руки. Как

стоять в этой печи? Я бегу к входной двери дома, но, не добежав еще и до середины двора, я слышу, как г. де Трассан кричит мне: «Это невозможно!» «И куда же идти?» - спрашиваю я. «В термолампу. Скорей». Скоро мы добрались туда (он построен между садом и деревянным крылом, в котором я жил). Здесь, примерно в течение одного часа, помещенные в проем двух стен, мы постоянно делали пируэты на наших пятках, чтобы в каком-либо направлении найти немножко воздуха, которым можно было бы дышать, так как с каждым моментом наши ресурсы таяли.

Убежденный, что мы долго здесь мы не удержимся, я хочу отправиться в сад искать убежище, но барьер из пламени обескураживает моего компаньона. Тогда я преодолеваю его и в своих поисках нахожу то, что поможет нам спастись от пламени; я быстро возвращаюсь к моему компаньону, и несмотря на его опасения, заставляю преодолевать этот барьер. Мы ложимся на траву около пруда, окруженного домами и оградами, которые горели со всех сторон; милости Богу, мы были спасены! Еще одна беда, начался дождь, это было четыре часа утра, и мы промокли до мозга костей;

20

продрогшие от холода, мы вернулись в нашу термолампу и провели там остаток ночи. Я был почти слеп, так как мои глаза сильно пострадали от такого количества дыма, и я мог открыть их через сильную боль. Но я был вынужден отвлечься от своих грустных мыслей из-за причитаний г. Трассена о неизбежных опасностях, которым мы еще подвергнемся. «Если честно, - сказал он мне, - Вы уверены, что в битве при Можайске мы испытали бы больше риска?» «Эх! конечно же нет, - сказал я - , вы герой, особенно в вашей шляпе, пронзенной огнем». Я избавляю вас от описания многих других мелких деталей.

На рассвете к нам во двор приходит один из наших товарищей; мы видели, с каким беспокойство он заходил. Когда он заметил нас, мы с радостью покидаем свое логово и попадаем в его объятия. «Ах! Господин Трассан, и вы здесь. А мы считали вас погибшим в пламени». Затем он повел нас на Мясницкую улицу в дом, где жил со своей семьей доктор Карас (1), всей семье д' Оррэр

(1) Г-н Ивернуа: что некогда здесь жил Базиль Пушкин. Василий Львович Пушкин,

искренний русский поэт, родившийся в 1770, которого не надо путать с Александром Пушкиным, известным - поэтом, убитым на дуэли его шурином, Жоржем Дантесом, по приказу барона Хикерен. Я не нахожу об этом ничего ни в какой французской литературе..., кроме статьи Хеннекина (Москва, 1822) о Василии Пушкине.

21

также не было отказано как и остальной части жителей моего дома(1). Пожар, который приближался к этому кварталу, заставил нас решиться на быстрый переезд, чтобы укрываться в погребках и кухнях моего дома, которые еще не были съедены огнем. Две лошади и тележка, спасенные накануне кораблекрушения, служат для доставки некоторых запасов; мы отправляемся, оставляя для второй поездки то, что не смогли унести в этот раз, и прибываем благополучно. Я сажусь на повозку, чтобы сделать вторую поездку, но едва я добрался до Покровки, как два конных стрелка захватили моих лошадей; их подход отпугнул весь мой эскорт. Я стал вести переговоры, и получаю обещание, что у нас возьмут только одну лошадь, которую немедленно отцепляют и оседлывают, затем на меня набрасываются и требуют часы, деньги, сапоги и все это у меня отбирают; взамен мне дается плохая пара сапог, в которые я ввожу мои только наполовину, и при этом сказали, что я должен быть счастлив, что остался живой.

(1) Voy. Примечание O.

22

Я не думал, что будет позволено мародерство, но вскоре мои глаза приучили меня к этому; все выбегали на улицу. Я возвратился в свою пещеру, но не мог найти никого; Я оставляю свои носки, чтобы легче было влезть в моих тесные сапоги; к счастью, после долгих усилий мне удалось это сделать. После этого я решил вернуться и присоединиться к своим товарищам по несчастью в доме, где они провели ночь на Мясницкой.

Мой костюм, потрепанный огнем, и мои плохие сапоги служили мне очень хорошим паспортом, но оказалось, что я сделал плохую ставку. Уже придя в начало Мясницкой, я вижу кавалерийский пикет у входа в дом, в который хотел пойти; я быстро ретировался и снова вернулся в свою берлогу, в надежде, что мой реальный мир,

возможно, обернется для меня с другой стороны, но напрасно, там никого не было. Вынужденный искать другое убежище, я возобновляю движение, чтобы снова возвратиться на то же самое место.

Но вдруг, счастливая мысль пришла мне в голову; я подобрал на улице кожу сафьяна, которую и принес, чтобы дать отдушину грабителям. О! Это был мой талисман! Под его защитой я бы мог никогда не подвергнуться нападению.

Все утро я использовал на беготню в разных направлениях в поисках своих товарищей; я был в конце Басманной на Лубянке и т.д. ;

23

кстати, по дороге я раздобыл кое-какой ужин. На улице Большой Почтовой мне попался один хороший немецкий слуга, который предложил мне серебряный рубль, если бы я захотел провести к жилью его хозяина, которое он мне указывал с грехом пополам. Таким-то образом мы дошли с ним до Мясницких ворот, где я встретил генерала на коне, с сопровождавшим его эскортом (я предполагаю, что это был генерал Себастиани). «Вы говорите на французском, сударь?» «Да, месье». «Что делают ваши русские? Никогда не видел, чтобы кто-нибудь поджигал свою столицу». «Я не знаю, кто ее поджег, но результаты для все нас будут плачевные». «Это - ваши Казаки, очевидно». «Эх? где вы видите Казаков, теперь?» «Черт возьми! они около города; вчера еще на этой дороге (показывает со стороны Тверских ворот) мы их прогнали, можете мне верить, так как я руководил этим. Это не война !» «Это меры отчаяния, - говорю я ему, - которые похоронят нас всех; посмотрите на этого бедного, несчастного человека, которого ваши солдаты грабят и раздевают; как вы думаете, что за этим последует?» «Эй! солдаты, оставьте этого мещанина! Опять эти черти Вюртембергцы грабят, как это...» Я прекратил этот диалог, решив удалиться. Я еще раз направился к моей

24

берлоге, так как мне сказали, что все мои люди возвратились туда. По прибытии, я увидел французских солдат, которые прямо на

пороге делили добычу, «Эй ! Господа, - говорю им я, - это мой дом, почему вы пришли грабить бедных людей, которые там живут?» «Мы еще не вошли...» Я наконец захожу, и вижу общество почти сплошь состоящих из русских, которым я дал убежище, женщины армянки, и никого, кто бы знал хоть слово по-французски. Все приветствовали меня как своего спасителя; сообщают о семье д' Оррэр, бежавших в сторону дома Глебова, и которые меня ожидали там, но эти бедные люди просят меня не оставлять их, в противном случае они просто не знают, что им делать, куда идти, так как уже достаточно пострадали. Я дал им слово, что не оставляю их. От д' Оррэр мы получили известие, что голландский генерал пришел жить в их жилище, и что от туда он постарается защитить нас. Именно в такой ситуации я жил в течение восьми дней; мы забаррикадировались в подвале, и я в любое время дня и ночи выходил, чтобы предотвратить штормовые набеги мародеров, которые приходили к нам в гости. Некоторые слышали о нашей защите, кланялись и уходили, но большинство хотели применять насилие, и я только успевал звать на помощь охрану генерала.

25

«Я б ... хотя и француз; Что ты здесь делаешь? есть только е ... французы, которые не с нами; вы эмигранты ...» Это в двух словах то, чем угощали меня по двадцать раз в день, и все же, что было там ни было, смотрели, чтобы у нас взять? Последняя одежда этих несчастных людей, избежавших пламени состояла только из самого необходимого и поэтому мои шелковые кюлоты (модные обтягивающие штаны по колению-прим. Перевод.) Крачки, пробуждал жадность тех, кто их видел. По правде, у нас были несколько запасов муки чтобы делать черный хлеб (1), это было, я признаю, это мы держали с величайшей осторожностью и должны были защищать под страхом смерти. Был случай, когда моих товарищей чуть не раздели и не раздели, в то время, когда я шел за охраной, которая заставила вернуть уже украденные вещи. Я рассказал вам о нашем положении, а что оставалось делать другим жителям Москвы, у которых не было защиты и даже возможности ее искать. Мы не могли находиться на улицах Москвы, так как военные, роясь в жилых кварталах ,

(1)Хлеб из темной ржаной муки. Это хлеб, которым питается не только народ, но почти

все русские; Это неприятно, но он должен быть использован.

26

ломались в двери, окна, погребки, магазины; все жители, скрывшиеся в наиболее тайных местах, позволяли себя грабить первым, которые приходили нападать на них.

То, что поддерживало главным образом этот ужасный грабеж, так это - методический порядок, с которым он последовательно был согласован во всех корпусах армии. Первый день был отдан старой императорской гвардии; на следующий день шла новая (молодая) гвардия; следующий день, корпус маршала Даву и так далее; все корпуса, находившиеся вокруг города, приходили к нам каждый в свою очередь, и вы можете осудить, сколько прибывшие последними были в затруднении, чтобы удовлетворить себя. Этот режим продолжался почти непрерывно в течении восьми дней; в действительности, можно объяснить жадность этих ребят, только рассмотрев их собственное бедственное положение. Люди без ботинок, без брюк, одетые в лохмотья, вот судьба всех тех, кто не составлял императорскую гвардию; когда они возвращались в свои лагеря, костюмированные всеми возможными способами, они были узнаваемыми только своим вооружением. Но, что самое ужасное, так это то, что сами офицеры были в поисках домов, чтобы грабить, как и свои солдаты; другие, меньше наглые, довольствовались тем, что грабили жилье, в котором находились; там были даже генералы, которые под предлогом реквизиции, для своего

27

обслуживания, заставляли похищать все и везде, где они что-то находили, в основном вещи, потом они могли это обменять, переезжая на новую квартиру чтобы идти грабить уже новое жилище.

Во время этого грабежа, Бонапарт, вернувшийся в Кремль в пятницу, стал практически затворником и принял все меры предосторожности. Все ворота Кремля были закрыты, за исключением тех, которые были обращены на Никольскую улицу; через них могли проходить только военные. Этого времени решили создать полицию и муниципалитет. В то же время, Бонапарт, чтобы

показать свое великое милосердие к бедным иностранцам, которые были без хлеба, без одежды, без предоставления убежища (1) постановил, что они получают два дома (Академии медицины и дом Давыдова (2)), которые были назначены для этой цели, и обещал им распределять пищу через трех доверенных лиц, которые были назначены на управление этими домами. А также им предлагали работу в различных армейских отделах, особенно для тех, кто нуждался

(1) Которые по его приказам были лишены всего. (Г-н. Ивернуа.)

(2) Г-н Ивернуа . говорит, что дома Давыдова и Медицинская академия были расположены: один на Рождественке, другой на Мосту Маршалов (**Кузнецкий мост-примеч. переводчика**), районе дорогих иностранных магазинов; посмотреть на карте, 111, 7, между 13 и 5), академия переименована и в течение нескольких лет стала клиника Университета.

28

в помощи; им обещали и бесплатное лечение. Многие, обманутые этим соблазном, приходили добровольно, и становились заинтересованными восхвалять причину, которую он использовал. Потом он подумал, сформировать полицию и муниципалитет; первое было сделано легко, во-первых, потому, что не трудно было выбрать, затем потому, что эти сотрудники имели уже надежду обезопасить себя от грабежа и обеспечить себя хлебом, а это решило все для тех, кто не имел средств существования. Муниципалитет был назначен с большим трудом, учитывая постоянный отказ от предполагаемого; наконец, неоднократные заверения, что речь шла только об обеспечении надлежащего порядка в городе, и страх последствий за длительный отказ побудили принятие условий работы, по большей части это было купечество. Я цитирую по случаю поступок Головы Муниципалитета, очень смелого человека по имени Находкин; приведенный к г. де Лессепу, префекту провинции, со всем муниципалитетом, чтобы быть узаконенным им, он внезапно взял слово и на хорошем русском языке сказал г. де Лессепу: « Ваше Превосходительство, прежде всего я должен вам заявить как порядочный человек, что никогда я не сделаю ничего, что было бы против моей религии или моего Императора». Г. де Лессеп, немного удивленный апострофом, был расстроен, но поправился и ответил ему: что ссора императора

Александра и императора Наполеона их не касается; в их обязанности входит только обеспечение благополучия города. На этой декларации муниципалитет вступил в свою должность (1).

Эти зарождающиеся власти, однако, ничего не могли сделать для надлежащего порядка; грабежи все еще продолжались и даже осуществлялись при новом магистрате, когда они пришли на свои посты. Он был прописан благодаря попустительству Бонапарта, что грабежи закончатся тогда, когда бы поучаствовали в нем все корпуса армии. И вот почему: Бонапарт после взятия Смоленска объявил, что ведет свою армию в Москву, где обеспечит ее зимними квартирами, и всем самым необходимым, а также даст мир императору Александру. Позже, завидя Москву, указав на нее пальцем, он скажет: «Это конец кампании». Пожар города, уничтожая все надежды на мир, и все надежды найти зимние квартиры, нищета немногих жителей, которые еще остались, делал невозможным найти любой вид ресурсов для заготовки снабжения провиантом и поставок обмундирования. Бонапарт был вынужден в этой ситуации,

(1)Voу. Состав муниципалитета и полиции во время французской оккупации, озаглавленный документ: Судебное дело, которое будет находиться дальше.

чтобы успокоить ропот в своей армии, отдать Москву для грабежа как добычу, которая ускользала от него.

В конце концов, для сохранения и привлечения ресурсов, примирения больших масс людей между собой необходимо было остановить и запретить грабежи. В связи с этим мародерство было запрещено, но тем не менее они имели свое продолжение; запрет был повторен, но оказался столь же бесполезным. И, наконец, были вывешены воззвания (I) и введены расстрелы, и Тон был понят. Люди постепенно начинали успокаиваться и выходить из своего логова.

Какое изменение произошло в Москве! Это была обширная равнина развалин, среди которых мы с трудом распознавали очертания улиц; везде на этих улицах, во дворах валялись трупы*, почти все они с

бородами (2); по дорогам можно было видеть мертвых лошадей, коров, собак, смешанных с трупами людей; больше повешенных; они были поджигателями,

(1)Voу. Примечание Р.

(2)Крестьяне и люди низшего класса, которые были тогда единственными, кто носил бороды. Позже, борода и усы вторглись в высшие классы, так же, как за рубежом, но, при правлении императора Николая, эти волосатые украшения считались признаками либерализма и якобинства.

31

которые были повешены уже после расстрела. Мы проходили мимо всего этого с невыносимым равнодушием. Мы сходились не узнавая друг друга, настолько несчастье трансформировало людей; но, что действительно огорчало сердце, так это то, что когда встречаешь толпу людей с их семьями, они разражались слезами и говорили вам, что у них нет уже который день хлеба, даже для их детей. Доходило до того, что одни скрывались, чтобы съесть свой плохой ужин и не поделиться с другим, а скромность некоторых не позволяла принимать то, что им могли предложить. Голод дал повод новому роду грабежа; каждый, обеспокоенный его существованием, побежал выкапывать картофель и вырывать капусту (1), но солдаты торопились опередить несчастных и горе тем, кто хотел собрать около них, или кто возвращались из полей без сопровождения*. Речь шла о жизни, и каждый старался наперегонки делать свои запасы.

Это входило в тактику Бонапарта, чтобы убедить своих солдат, что он хотел бы провести зиму в Москве, а приготовления солдат убеждали в этом и жителей. Он надеялся, что все эти меры помогли бы выйти с предложением

(1) Капуста входит в основной рацион русского народа.

32

мира, который ждали все с большим нетерпением. Для того, чтобы составить некий рапорт, Бонапарт, который дал особую защиту Воспитательному дому(в французской транскрипции он называется Домом Детей-подкидышей — **примеч. перевод.**), велел доставить по нему отчет за месяц, и вместе с довольно откровенным письмом, отправил его Императрицы-матери (1); он ждал ответа на это письмо, но так и не получил ответа. В течение этого времени, либо

чтобы успокоить химеры армии, либо для того, чтобы привести в ужас местных жителей и через них всю Россию, распространяли слухи, что Рига была взята штурмом, что Макдональд вступил в Петербург в тот же день, когда взяли Москву, и ее сожгли ; что дороги от Вильно до Смоленска были покрыты войсками, что многочисленные транспорты привозили в армию зимнюю одежду, что Маршал Виктор ведет значительное подкрепление, что будущей весной армия Бонапарта будет такой же сильной, как при вступлении ее в Россию, и что как можно было не поверить в провидение великого человека, ведь он

(1) Это учреждение было под защитой Императрицы Марии-Федоровны, вечная память. Мы находим эту державную модель в сердечном некрологе, помещенном в Северной пчеле от 5 октября 1828 в № 1828, затем в ноябре в Северном Бюллетене, опубликованном Lecoq Laveau, стр. 259-61.

33

думает обо всем, он всегда находил неожиданные возможности. Наконец, если русские не согласятся на мир этой зимой, весной следующего года, Бонапарт назначил бы герцога Смоленска, герцога Курляндии и Санкт-Петербурга и русские не были бы больше азиатами (1). В то же время, было сказано, что мы будем преследовать русскую армию, бросим ее в Волгу и тогда уйдем на зимние квартиры.

Все эти глупые речи были рассчитаны на людей, веривших в судьбу Бонапарта, и они действительно верили, что он собирался сделать все это. Согласно этим предположениям, им оставалось только искать свое спасение рядом с французами; а это как раз то, что и хотели. В то время как общественность и армию развлекали этими баснями, Бонапарт, запершийся в Кремле, как государственный узник, вызывает итальянских певцов и музыкантов (2), чтобы слушать их пение и музыку, и платит им ложными ассигнациями. Кажется, что они были изготовлены в Польше, это был тяжелый груз и их стремились всячески поскорее пустить в обращение, но с момента их появления они сразу были оценены по достоинству и никто не хотел их приобретать, поэтому в обращении таких денег было очень мало (3).

(1)То, что Империя будет передана за Волгу. Г-н Ивернуа.

(2)Voу. Примечание Q.

(3)Voу. Примечание P.

Между тем предложения о мире не поступали; русская армия, совершающая движения, казаки и крестьяне, делающие добычу корма затруднительным делом (коммуникации со Смоленском часто прерывались, больные, транспорт, изъятие корреспонденции. Г-н Иверноис.), все это заставляло принимать какое-то решение. Потом поняли, что от предложения свободы крестьянам, тоже ничто не добьются; тогда попытались привлечь их хорошим жалованием, чтобы с их помощью решить вопрос с продовольствием в городе. Все было бесполезно и не приводило ни к какому успеху; вдалеке от города, нужно было даже принимать меры против крестьян, засевавших в своих деревнях и стрелявших в приближавшихся французских солдат. Видели, как эти люди вступали в перестрелку, как если бы они просто входили в Церковь; они осеняли себя крестным знаменем, услышав свой приговор в ожидании смерти, не моргнув глазом.

Корсиканская тактика, не возымевшая действия, потребовала замены на более серьезные приемы; с большой тщательностью стали разыскивать сведения о заговоре Пугачева, главным образом желали иметь одно из его последних провозглашений, намеревались найти там хоть что-то о семье или семьях, которые могли бы быть призваны к трону. Исследования на тот момент дошли до такой точки, что проверялись люди любого рода или сословия, обратились даже к эмигранту, человеку высшего круга, который был вызван тогда совсем по другому поводу.

С самого начала он не стал скрывать и искренне сказал, что да - он эмигрант. «Сударь, - это вещь, которой не хвастаются и ни обвиняет вас», - ответили ему. Потом он сказал, как впрочем и другие эмигранты, что ничего не знает об этом провозглашении русского Дантона. Когда не рассуждала и работала веревка, о доктрине Пугачева никто не думал, тогда вошли в ход основные принципы санкюлотов. Он просто предложил татарам идти на Казань, призывая их соотечественников к независимости и обещая поддержать их, как только они начнут действовать. И здесь ничего

полезного для себя выяснить не удалось. Больше не оставалось ничего, как вступить на путь переговоров. И тогда был послан Ларистон к князю Кутузову, под предлогом предложения обмена пленными; затем этот обмен был рассмотрен как продолжение предшествующих переговоров, при этом Бонапарт отвечал крайне сдержанным ультиматумом, это была уступка всех бывших польских провинций. Ларистон возвратился с тем, с чем уехал. Сезон продвигался; казаки вокруг Москвы становились все более опасными; лошади дохли, как мухи. Улицы, дворы, пруды, дороги были устелены их трупами; надо было принимать быстрое решение. Ларистон еще раз был делегирован к русской армии, и он возвратился как

36

в первый раз, без какого-либо успеха. Тогда начали говорить о выступлении; но правда, как говорили, в городе должно было остаться до пятнадцати тысяч человек; это был как удар грома для всех людей, которые верили в судьбу Бонапарта. И это очень компрометировало его в их глазах. Они, да и все люди во все времена, всегда советовались только со страхом, они считали себя полностью потерянными, если бы оказывались еще при наступлении казаков; они не рассчитывали, что поставят себя в такое необдуманное положение вследствие действий французской армии. Этот последний класс, действительно, вызывал сожаление, так как он был невиновен в своих неверных суждениях, и он дорого платит в наказание за это сегодня (1).

Первоначальные слухи не были еще достоверны настолько, что не могли бы измениться; каждый день распространялись все новые и новые версии. Были найдены магазины муки на шесть месяцев, была уничтожена партия казаков, которая прерывала сообщение с Можайском; сразились с большой армией, и он не

(1) Шевалье делает намек на страдания, перенесенные людьми, которые отступали вместе с армией; я часто слышал, как рассказывали о действительно невероятных эпизодах. Эти страдания обогнали, если это возможно, страдания наших солдат, когда думаем, что это множество было составлено по большей части из женщин, из детей, и из стариков!

37

остался больше в России, чтобы просить мира. Бонапарт, как

говорили, искал менее катастрофические способы, чтобы быстро выполнить продолжение своего грандиозного плана: дать свободу грекам, завоевать Константинополь, чтобы заручиться обладанием Египта, и когда Египет будет подчинен, это будет мир во всем мире. О! великий человек! гениальный человек, думавший обо всем! который хотел бы рисковать скромным светом разума против огромных комбинаций одного человека, аналогичным образом удивительно! Следует признать, что доверие его армии в его талант и его возможности, было неограниченным, слепо считалось, что все, что он предпримет, неизбежно приведет к успеху, даже те, кто не любил его (таких было много в его армии, которые, по крайней мере, усталыми служить инструментами его амбиций) всегда полагались на его талант и его фортуна. Они роптали за его спиной, но заслышав барабан, каждый стоял на своем месте, и верил в будущее, будь то Герцог, Граф, Барон, Шевалье или призывник - все делили поровну славу будущих завоеваний. Вот большая пружина, которая приводила в движение армию Бонапарта. Много там было спаяно мужеством; все офицеры

38

были честолюбивы и с надеждой на трофеи. Остается только удивляться последними передвижениями, при рассмотрении состава офицерского корпуса. Почти все они дети революции, которые говорят только или В ... F ... (1). У них нет морали, только мораль их командиров, все, что приносит пользу — хорошо, они не знают в этом мире иного права, кроме права более сильного, и они так давно привыкли пользоваться этими правилами, что не могут действовать иначе. Некоторые почетные исключения, которые могут быть сделаны, падают, в основном, на имена старого режима, или на вернувшихся эмигрантов, уставших от своих невзгод, более любивших принести жертву Идолу, оставаясь в своем прежнем состоянии. Что они выиграли? Немного; они служат свидетельством того, что Бонапарт одержал победу над всеми партиями, и являются предметом зависти для других, которые получают быстрое продвижение по службе, но не доходят ни до какого-либо значительного продвижения в отношении доверия. За этим исключением все офицеры армии, генералы и младшие офицеры, имеющие наиболее общую внешнюю сторону, несут

характер выскочек (2). Они рассуждают о политических делах, как невежественные солдаты,

(1) Voy. Примечание 5.

(2) Voy. Примечание T.

39

которые не знают ничего, кроме своих лет; у них на устах всегда жалобы по поводу сожжения Москвы и проявление небольшого умиротворения: «Это ваш Сенат, является причиной всего этого». «Нет, этого не может быть, Сенат у нас не является административным органом». «Так это ваш Император?» «Ах, вы не отдаете ему должное, это, бесспорно, самый храбрый человек в своей империи». «Это правда, - сказал мне однажды гренадер, - я имел честь быть на посту у г-на императора Александра, в Тильзите, я могу сказать, что это очень красивый мужчина, который, казалось, исполнен доброты». Вы видите, что можно иметь друзей повсюду. «Но очень жаль, что сгорел такой красивый город; мы имели бы такие хорошие зимние квартиры; у нас есть все деньги, которые бы мы могли потратить; жители возвратили бы, таким образом, то, что они потеряли якобы от военных контрибуций, и мы все были бы счастливее.» Среди этих людей, он являлся более просвещенным, с которым трудно было не согласиться. Они согласились также, что амбиции Бонапарта были причиной всего этого зла; потом начинались излияния, признание полного разорения Франции; они говорили о невозможности такого положения вещей, что это не может длиться еще долго. Я чувствовал истинное удовлетворение, когда слышал, как говорят эти люди,

40

уставшие от судьбы Бонапарта и страстно вздохавшие об окончании этой катастрофической войны. Они выражали озабоченность судьбой, которая заставила их найти здесь большие ресурсы пороха, в то время, когда их были истощены. Они согласны с тем, что имели в своих больницах начиная с Вильно 50,000 мужчин; их кавалерия потеряла 60,000 лошадей; что армия была не одета; и, что если придется отступать по дороге из Смоленска, они

будут неизбежно разбиты. В то же время начала мероприятия к отходу; отправили, как смогли, транспорт раненых и багаж различных служб армии; определяли день предполагаемого отъезда Бонапарта. Для того, чтобы удовлетворить гвардию, которым он до сих пор распространил несколько фальшивых 100 рублевых ассигнаций, которые не могли использоваться в употребление из-за недоверия, им была оставлена значительная сумма в медных деньгах, которые оказались в погребках судов. Эта медь была хороша только для торговли, продажи или обмена (1), и были только крестьяне и простые люди, которые бы смогли это купить. Это породило сцены, как смехотворные, так и плачевные. Народ, в полном смысле слова, не прекращавший

(1) You.Примечание U

41

грабить на развалинах подожженных домов с начала грабежа французов, и часто даже с риском для жизни, этот народ, который впрочем, некогда хоронившийся в развалинах и был невиден, как будто его не существовало, показался теперь толпой, как туча воронов. Где был погребок, или магазин, или открытое тайное место - его надо было грабить. Он пренебрегал всем, саблями, штыками, ничто его не задерживало; один был поражен, но двадцать других грабили; это было достаточно, чтобы ободрить мародеров; женщины, дети, старики, инвалиды, они все были в доле; просто немыслимо, что разграбил этот класс людей. Как только императорская гвардия имела для продажи мешки, заполненные 25-рублевыми медными монетами, эта стая хищных птиц привлекалась, я не знаю, каким-то инстинктом, чтобы ринутся на Никольскую улицу, где был основной рынок; там за десять копеек денег, за двадцать пять, затем за пятьдесят, и, наконец, за рубль денег, мы могли приобрести мешки с медью, сколько хотели; проблема состояла в том, чтобы взять их с собой, во-первых из-за веса, во-вторых из-за толпы. Видели, например, жадных женщин, несущих сумку на каждом плече, но в десяти шагах дальше здоровый мужик отнимал их добычу и убегал. Крики, брань, удары,

все смешивалось воедино. Наконец, солдаты сабля в руках пришли положить этому конец, ударами направо и налево они убрали яблоко раздора. А между тем: «Мусьон, подарите, подарите». «Ну, что даешь?» «Подарите, Мусьон». Затем падают частые, как град, удары сабли, но как в таком беспорядке можно было что-то выгадать, на удары не обращали никакого внимания. Представьте себе зрелище, которое представляла улица Никольская, суматоху таких продавцов и таких покупателей. Отправившись посмотреть эту давку, я был вынужден скользить вдоль стен, опасаясь стать больше, чем зрителем. На следующий день та же конкуренция покупателей, но французы стали осторожнее, разместив толпу вне стен города и запретили отныне вход для простонародья. Рынок организовали за Воскресенскими воротами (1). Несколько солдат, помещенных под окнами судов держали обменный пункт; они получали цену за мешок и отдавали его затем через окно. Толпа увеличилась за счет большого количества крестьян, которые бились с мещанами (2) чтобы

(1) Voy. план N II, 56.

(2) Названный буржуазией в России, последний класс людей, состоящих в основном из небольших городских ремесленников.

подойти ближе менялам. Чтобы остановить беспорядок, у него не было другой возможности, кроме как выстрелить из ружья, которые, по правде, было умышленно плохо исправлено, но иногда все же стреляло, но это не мешало толпе бросаться к мешкам везде, где было можно что-то выиграть, где видели прибыль, на удары не обращали внимания. Наконец Бонапарт выступил в воскресенье вечером, направляясь в сторону Калуги; остальной гарнизон последовал за ним в течение ночи, за исключением одного корпуса в семь-восемь тысяч человек для, как говорили, сохранения Москвы до возвращения войска, которое должно было вернуться после битвы, которую должны были дать. Уже на следующий день посты отошли до бульваров Белого города, и в течение ночи они сосредотачивались на границе Китай-города, это то, что сдержало

генерала Венценгероде и г. N *** (1) на Тверской, где они были фактически остановлены. Во вторник, около четырех часов дня, французы сожгли артиллерийский парк, который был в поле у набережной 1-го мая (2). Несколько бомб, которые

(1) Voy. примечание V.

(2) Voy. примечание -Y.

44

загорелись в этом случае, посеяли тревогу среди иностранцев, решивших следовать за армией и полагавших, что Казаки уже прибыли; каждый поторопился уезжать, не думая больше о своих несовершенных средствах путешествия. Другая часть населения, напротив, успокоенная перспективой возвращения русских, показались на улицах в таком количестве, что французы, для своей собственной безопасности, должны были усилить свои посты и послать патрули во все стороны.

В это время крестьяне распространились в городе толпами, чтобы грабить магазины с солью, которые больше никто не охранял; днем и ночью шли постоянные процессии пешком, некоторые с тележками, по десять, двадцать человек, женщины и дети. Для большей безопасности, французы сосредоточились в городе (1) и охранялись только часовыми воротами, которые вели на главные улицы. В четверг вечером, маршал Мортье и г. де Лессеп написали г. Тутолмину, главе больницы Воспитательного дома, что оставляют на сострадание русских французских раненых, которых они оставляют в доме под его присмотром, и просили слово чести, что им не окажут никакого зла в

(1) То есть, в Китай-городе и Кремле.

45

при их отходе. К восьми часам, пожар начался в Кремле, вскоре у Калужских ворот, затем в Комиссариате (1).

И вот была увидена несчастная месть разочарованных надежд. Бонапарт приказал снять крест с колокольни Ивана Великого (2), орел с Никольских ворот, и Святого Георгия, помещенного на крыше Сената. Новый пожар явился достойным продолжением старого. Игнорировали мотив, который толкнул к тому, чтобы снять

крест Ивана Великого. похищения, которое было сделано с большим трудом: Польский генерал, очень образованный и знавший многое по истории России, скажет однажды Бонапарту, что существовало среди русских одно поверье, что пока стоит крест на колокольне Ивана Великого, французы не войдут в Москву; было ли это изречение истинным или ложным, но вывоз креста устроили, чтобы оправдывать прибытие французов в Москве (3).

Пожар осуществлял свои разрушения в Кремле все больше и больше; дворец был сожжен, огонь распространялся все дальше, и никто не знал куда; но так как он снова приблизился

(1) См карту, № IV, 7 и 8.

Колокольня Ивана Великого, которая доминирует над городом, находится в Кремле; Voy.

(2) План, 1, 4.

(3) Voy. Примечание Y.

46

к стенам Кремля, у нас появилась надежда, что он не будет больше распространяться дальше, страхи улеглись, и каждый более или менее уступил приглашению ко сну. Я был предупрежден за восемь дней храбрым военным хирургом, нанявшим меня в Москве, об уходе армии. «Вы были военными, - он сказал мне, - вы понимаете, что я не могу сказать вам больше, но у вас есть достаточная интуиция, чтобы догадаться, что я имею в виду». Я с каким-то беспокойством ждал эффекта от его предсказания, но несколько успокоился письмом, которое получил г. Тутолмина. В качестве меры предосторожности, я решил не ложиться в постель, и заснул в кресле перед окном с видом на Кремль. Около четырех часов, я проснулся от сильного сотрясения; в то же время Москва была в ужасе от самой страшной детонации, какую можно себе только представить. Разбитые окна, крики женщин, общий испуг, не в силах найти убежище, страх быть раздавленным от падающих домов бросил всех в неопиcуемый ужас. В мгновение ока я был окружен; я успокоил всех, кто был вокруг меня, что мы в меньшей опасности, будучи в деревянном доме, который меньше подвергается сотрясению, чем дома

47

каменные, которые могут рухнуть. Я подготовил сознание людей к

новым взрывам; в интервале, приблизительно, полчаса произошел еще один взрыв, менее сильный, чем первый, а затем позднее еще три, и это было все.

Едва светало, а любопытные ринулись в город (1); они нашли забаррикадированные ворота Кремля, за исключением одних, которые были немного свободны; это были ворота, ведущие к Каменному мосту (2), по которому отступили французы, но руины и жар пламени не позволили через них войти.

Вскоре появились первые казаки, следовавшие за множеством крестьян, искавших отставших от французской армии; они много нашли их на улицах, во дворах, в домах, уничтожая их безжалостно и бросая живыми в уборные, как делали французы со своими собственными ранеными из больницы Воспитательного дома, выбрасывая их в колодцы двора, по мере того, как они умирали. В субботу утром

(1) То есть, первый округ города.

(2) Г-н Ивернуа. Говорит, что это ворота низкие (de Ras), я никогда не видел эти ворота под этим именем, переписчик, должно быть, ошибся здесь, как он это сделал для всех имен, которые копировал. Эти ворота — Боровицкие ворота, № I, 20-плана. Каменный мост, указано в № IV, 1.

Наконец появился начальник полиции, г-н Хельман; тогда все вздохнули и порядок начал восстанавливаться.

Я забыл описать вам очень сильный, красивый штрих со стороны русского офицера, получившего ранения и находившимся в плену у французов. Отход французской армии дал ему свободу; сам он находился в Воспитательном доме, где лежали французские раненые. Для того, чтобы хоть как-то обезопасить их от расправы, он входит в зал, рука его на перевязи (1), и объявляет им: «Солдаты, вы все мои пленные, армия ушла, я требую вас остаться!» «Как, как! мы не будем сдаваться. Товарищи, к оружию!» Действительно, многие из этих несчастных людей встают из своих постелей, одеваются, берут свое оружие и выходят из Госпиталя. Господин Кривцов (офицер Гвардейских егерей) выступает против их ухода, говорит об опасности, которой они подвергают себя, показавшись во дворе. Было несколько несчастных, которых было невозможно удержать; но стоило им только показаться во дворе, как они были убиты. Это печальное зрелище сделало других более осторожными,

и они согласились стать пленными. Тогда их ангел-хранитель, спускается вниз во двор, идет навстречу казакам через толпу; и обращаясь к казачьему

(1)Заметки карандашом, гласящая: "Ошибка", это была потерянная нога (Уваров).

49

офицеру, который был у них старшим, говорит: «Я заявляю вам, что раненые, которые здесь - мои пленные и никто не имеет права их трогать». Начальник Казаков решает применить силу; господин Кривцов выдвигается к нему, называет себя и требует, чтобы он был более предусмотрителен, если не хочет ответить за все, и чтобы он немедленно убирался. Эта настойчивость дает свой результат - Казаки и чернь уходят и раненые спасены.

Результат от взрывов, которые имели место в Кремле, коснулся той части колокольни Ивана Великого, которая лопнула, которая была со стороны арсенала, напротив Никольской башни, где все стены были уничтожены; башня (1), помещенная в угол Кремля и лицом к Каменному мосту исчезла, осталась только глубокая дыра на площади, все разбитые материалы были рассеяны в окрестностях; еще две маленькие башни в стене, которые располагались вдоль Москвы реки, были разрушены, на их месте была брешь в стене.

Здесь кончается рукопись Уварова, Г-н Ивернуа добавляет к этому следующее:

« Ваш старый дом и все те, которые вы населяли ранее сожжены. »

Я забыл сказать вам о Рустане, этом замечательном

(1) Именно эту башню можем увидеть в плане около Боровицких ворот, рядом с Москвой рекой. 6*

50

мамелюке, который никогда не покидал Наполеона. Он армянского происхождения, из Карабаха, близ Эривани; он часто посещал своих земляков, всегда с хитростью, на уровне министров; кажется, что он занимался вызовом во Францию части его семьи, его мать и брата; он рассчитывал на его личное знакомство с императором России, чтобы облегчить им путешествие во Францию.

*****

ПРИМЕЧАНИЯ

(А) Я делаю это наблюдение потому, что это было во время революции и империи, и много людей прибыли в Россию, под видом благородных эмигрантов. Это качество открывало им двери многих русских хлебосольных домов, но их соотечественники на этом не обманулись. Какие любопытные разоблачения я слышал некогда об этих псевдодворянах; но укажу единственного, который умер 25 сентября 1839 в возрасте 71 года, без того, чтобы его герб был лишен блеска какими-либо подозрениями. Это шевалье Шарль де Винэр, очень честный человек и большой друг шевалье Изарна; настоящее имя его было Рой.

(В) Дав несколько сведений о шевалье Изарне, мне кажется, если мне не изменяет память, что человек, у которого мы оказались день рассказа шевалье о Его Высокопреосвященстве Бельзунчи, говорил мне о публикуемой рукописи. Я призываю его в свидетели; этот соотечественник теперь живет во Франции; я не называю его имени, но я подскажу так, чтобы он узнал себя; он - сын часовщика, родившегося в Рошфоре (Нижняя Шаранта) и умершего в Москве; именно этот соотечественник, с шевалье Изарном, во время их совместной деятельности в церкви Святого Людовика, в 1834 г., я думаю, решил поместить на кладбище для иностранцев (**Немецкое кладбище — Введенское — в Москве-прим. перевод.**), гранитный камень

с надписью: «Погибшим французам в 1812 году», не на кургане, как пишет Александр Дюма (Впечатления от поездки в Россию, 1866, III, стр. 123), а на постаменте. Излишне говорить, что писателю было нужно красивое слово, так же как памятнику нужна надпись, сделанная резцом на граните.

Есть некоторые подробности о шевалье Изарне в воспоминаниях актрисы, мадам Луизы Фюзиль. Париж, 1841г. (Том II, гл. XIII, стр. 219-25), о свадьбе известного пианиста Джона Филда с мадемуазель

Першерон. Именно мадам Фюзиль служила посаженной матерью с господином д' Изарн, который служил посаженным отцом для молодой супружеской пары аббатом Адрианом Сюрюг в церкви Святого Людовика Французского **(в Москве-прим.перевод.)**. Аделаида-Джин-Виктория Першерон, родом из Парижа, дочь Адриана-Луи Першерона, морского офицера; без даты возраста. После того, как подлинные документы, которые хранились в течение длительного времени в церкви Святого Людовика, пришли в поистине плачевное состояние, я предоставляю легендарные документы касающиеся Филда.

Француз по имени Сопус, который был в течение длительного времени близким другом Филда, уверял меня, что он родился в Страсбурге и что имя Филд было только переводом Филд Дешампс. Филд или Дешампс отец, весьма посредственный скрипач, работал в часовне архиепископа Страсбурга; в порыве ревности, мотивированной кокетством его жены, большой и красивый человек, как муж и маленький и вспыльчивый как человек, пошел против канона собора и был вынужден бежать в Англию. Для того, чтобы заработать на жизнь, он вошел в качестве второй скрипки в

Лондонский театр, и ездил каждое лето в Бат использовать новые таланты своего сына; именно в этом городе Клементи имел возможность в первый раз увидеть Джона. Для получения дополнительной информации о Филде см. Биография музыкантов по Fétis, Новая Общая Биография, и т.д.

Госпожа Фюзиль дает мадам Филд имя Першерон де Муши; ни один из актов, которые я имел возможность видеть, не дает ей право на второе имя, но то, что я могу утверждать, что госпожа Филд, которую часто видел в последние годы своей жизни, уверяла меня, что родилась в Пондичерри (Индия), вопреки декларации ее брака. Дата смерти Филда -1837 год; его жена умерла в Москве, куда она вернулась после смерти мужа, с 1840 по 1842 год.

(С) Граф Ростопчин отдал приказ поджогов в Москве? Общее мнение таково, что отдал. Как он мог позволить себе сделать это? Никто до сих пор не смог ответить на этот вопрос (Voу. Бутурлин ... «Военная история русской кампании», т.І, 3бгл, остальные заметки

указаны ниже в разделе «Библиография» №42). Независимо от мнения, какое можно иметь об этой акции, мы вынуждены признать, что результаты были полными; разорение Москвы стало причиной судьбы Наполеона. Несмотря на испытанные и доказанные бедствия французов, чьи судьбы были тесно связаны с судьбой этого человека, мы можем, я считаю, признаться, не будучи обвиненным в отсутствии патриотизма, это было счастье для человечества. Когда в 1823 году граф Ростопчин опубликовал в Париже свое оправдание на сожжение Москвы, в котором он отверг свою ответственность за данное деяние, это было, по нашему мнению, моментом слабости. Он мог доказать, что он не только не пощадил свое имущество,

54

но и то, что несчастные могли показать ему их руины, не имея, как он, надежды восстанавливать свое состояние.

По поводу вопроса пожара, вот факт, о котором мне рассказал человек, заинтересованный свидетель. За несколько дней до вступления французов, нищий, одетый в каторжную робу и с бритой наполовину головой, появился на пороге дома немецкого слесаря, по имени Гурнэ, который жил в немецкой Слободе. Хозяйка дома, милосердный человек, дала этому несчастному человеку все то, что для него было необходимо, чтобы подкрепиться, затем дала немного денег. «Мадам, - сказал он ей, - в знак признательности за вашу доброту для меня, я собираюсь дать вам совет - уезжайте чем раньше, тем лучше. Почему? Я не могу вам об этом сказать». Наконец, припертый вопросами, он рассказал, что все заключенные без исключения были освобождены, заставив при этом всех поклясться, что они подожгут город, а чтобы быть больше уверенными в их клятве, их заставили еще креститься на изображения святых. Воспользовавшись советом этого несчастного человека, вся семья укрылась в католической церкви немецкой Слободы; имущество уложили в склепы. Так как здания были каменными, все верили в свою безопасность, но десять дней спустя, в середине ночи, они были внезапно разбужены. «Быстро, одевайтесь, здания горят, и у вас очень мало времени, чтобы спастись». Это было беспорядочное бегство, море огня затрудняло бегство на улицах; наконец дошли до кладбища иностранцев (Немецкое кладбище — Введенское — в Москве-

прим.перевод.), которое было запружено беглецами; расположились лагерем на могилах в течение трех или четырех дней, но очень ощущался голод; внуки плакали, прося поесть; французский военный, который там проходил, осведомился о причине этих стонов; ему поведали об ужасных бедствиях, в которых пребывал этот простой народ; он уехал и через некоторое время спустя возвратился

55

в сопровождении маркитантки, которая принесла хлеб для детей; когда этот маленький мир насытился, эта смелая женщина заставила скрыть то, что осталось в перину, которую она заставила распороть перед нею и удалить все перья из нее. Во время пребывания на кладбище неожиданно пошел большой ливень (без сомнения тот, о котором говорил Изарн); укрылись на мельнице, построенной при входе на кладбище, но это место убежища было слишком маленьким для всех и взрослые остались снаружи; те, кто вошли, были вынуждены стоять, так как было невозможно сесть или лечь. Вскоре после этого, мы вернулись и укрылись в церквях, которые еще уцелели. Человек, который дал мне эти подробности, сказал мне, что присутствовал при уходе французов; это было, говорила она мне, наиболее смешной спектакль, который возможно себе представить; солдаты были наряжены по-всякому: женские шубы, женские платья, одеяния священников и монахов, разорванные покрывал, и т.д..

(Z) Рассказ убийства Верещагина находится почти везде. Этот несчастный человек, как мне сказали, работал на почтамте; устно переводя в общественном месте одну из многочисленных публикаций, которые Наполеон бросал перед своей армией, он был уличен и приведен перед графом Ростопчиным. Этот после жестоких упреков, ударил его саблей, говорят одни; довольствовался тем, что отдал его черни, говорят другие. В одно мгновение толпа кинулась на него и растерзала; его трепещущее тело было привязано ногами к хвосту лошади и она потащила его по улицам, за ними последовала орущая толпа. Эта драма проследовала через Лубянку, перед домом графа Ростопчина, затем похоронный кортеж спустился по Кузнецкому Мосту, прошел через Петровку,

Столешников переулок, Тверскую, рынок, и тело было брошено на кладбище у маленькой церкви,

56

за Кузнецким Мостом, где он был похоронен. Когда Москва поднялась из своих развалин, администрация решила проложить улицу, которая является сегодня улицей Святой-Софии (Софийка); эта церковь была снесена и приступили к вывозу останков, которые оказывались на кладбище, замененном улицей. Тело Верещагина было найдено почти нетронутым, в этом ничего не было удивительного, учитывая характер местности. Между тем, народ из-за этого стал волноваться, и многие люди рассмотрели этого несчастного человека мучеником; власть решила пресечь в корне любое волнение, заставив благоразумно ночью поднять эти печальные остатки, и перезахоронить их. Я привожу эти сведения от прямого свидетеля.

Что касается Мутона, арестованного в то же самое время, у него был шанс убежать во время той драки.

(Е) Граф Ростопчин приказал арестовать сорок французских жителей Москвы, и отправил их, как заключенных, на баржах на Волгу. Перед их отправкой, он направил им эту странную краткую речь, которую я скопировал в Бюллетене Московской полиции №3, от 24 мая 1851 г..

Французы!

« Ваш Император сказал в воззвании в славном городе Париже:
« Французы! вы столько раз говорили, что любите меня», и чтобы убедить вашего правителя в этой истине, вы никогда не переставали служить ему в этом экстремальном климате, где зима и опустошение оспаривают первенство. Но спокойствие города и ваше собственное спасение настойчиво предписывают ваше удаление. Русский народ настолько щедр и настолько велик, что готов идти на крайности. Для того, чтобы избавить его от греха и не осквернить историю рассказами о массовых убийствах, слабой имитации вашей адской национальной ярости я решаю положить конец. — Вы пойдете жить на берега Волги, в

среду народа мирного и верного его клятвам, который вас презирает чересчур чтобы делать себе зло. Вы оставите на некоторое время Европу и вы пойдете в Азию. Прекратите быть плохими людьми и станьте хорошими. Превратитесь в русских мещан из французских граждан; оставайтесь спокойными и покорными или подвергнитесь суровому наказанию; заходите на баржу; возьмите себя в руки, и не делайте из баржи лодку Харона. Привет и хорошей поездки.

Июль. 1812. Москва.

Подпись: Граф Ростопчин.

Или журналист здесь ошибся, указывая дату июля, или граф заранее приготовил этот документ, так как только к концу августа, незадолго до прибытия французов, эти сорок индивидов были отправлены в ссылку. Во всяком случае, они должны были быть шокированы, узнав в себе мятежников (voу. Примечание ниже) с мало льстившей привилегией быть избранными из всей многочисленной французской колонии Москвы. Их судьба, впрочем, была менее несчастна, чем судьба их соотечественников, оставшихся в городе. Направляемые в Коломну, они были погружены на судно со специальным клапаном, который должен был затопить судно в случае каких-либо событий, затем они спустились вниз по реке до Нижнего, где и остались; вскоре отменилась любая строгость по отношению к ним, и им позволили даже прогулки в городе, где они увидели первых военнопленных. Истории, относящиеся к этой эпохе, о которых мне поведали многие из этих ссыльных, позволили мне увидеть, как мало они могли быть опасными в разгар тех печальных событий. Это шутки о кулинарных талантах одних, о умение орудовать метлой других, о таланте прачки третьих; но эти работы были не позволены этим ссыльным, которые представляли элиту французской колонии, к тому же они не взяли с собой слуг.

Можно узнать список этих сорока французов, находившихся в России во время войн Империи (1805-1815) из Исторических воспоминаний господина Армана Домерг, экс-управляющего

императорским театром Москвы, которые собраны и изданы господином Мельхиором Тиран. Париж, 1835 г., 2 том , №8, книга, но которую я не был в состоянии проверить.

(F) О Турнэ и его испытаниях, я не могу сказать более точно чем то, что содержит письмо, которое я переписываю здесь:

Милостивый государь.

«Вы спрашиваете меня заметку о несчастьях Арнольда Турнэ, рожденного в Спа (Бельгия), шеф-поваре графа Ростопчина в 1812 году; я расскажу вам просто, что слышал из его уст, будучи очень близко знакомым с ним во время моего пребывания в Казани. Должно быть, он был очень расположен ко мне, раз решил рассказать мне свою историю, так как не хотел бы говорить об этом печальном периоде своей жизни, и он никогда не делал этого, не пролив бы горькие слезы, вспоминая позор своего мучения.

За несколько дней до вступления французов в Москве, утром до полудня, Турнэ готовился подать обед для графа; один из его помощников, выполнявший заказы с пренебрежением и недоброжелательностью, рассерженный (что всегда было легко понять, потому что он еще не потерял этот дефект в старости), изготовляя фарш и держа нож в руке, сказал мальчишке, продолжая одновременно свою работу: «Погоди! Вот, погоди! Придет наш Император, вот что он из вас сделает!» А один из слуг, вечно находящийся рядом с вельможами и всегда готовый им угодить, пошел доносить

59

эти слова своему грозному губернатору, с наиболее враждебными комментариями. Приказали повторить тот час же в присутствии графа и свидетелей его слова и жесты, Турнэ близко к тексту сказал: «Господин граф, я сказал, что наш император собирался прибыть, но имел ввиду Императора Александра». Его Превосходительство не принял во внимание это объяснение, резко упрекнул его в предательстве своей новой родины (Турнэ, как и все иностранцы в России в то время, изменила гражданство), и приказал ему ждать в прихожей его приказы, которые не замедлили последовать. По приказу хозяина, Турнэ спустился во двор и сел в тележку; его

повезли на Красную площадь, которая, как вы знаете, находится между Кремлем и Гостиным Двором, его раздели, положили на позорную скамейку, и он получил двадцать пять ударов плетью; когда наказание было завершено, он был брошен полумертвый на тележку; не в силах вернуться в свое жилье взять какие-нибудь обноски, строго необходимые, ему дали его рабочую поварскую куртку из белого льна и отправили в Сибирь. Привезенный в Пермь, он находился там в течение семи лет; его жена в результате многочисленных просьб, получила разрешение ехать и присоединиться к нему в Казани, город, назначенный для него, как новое местопребывание. В этом городе Турнэ основал кондитерский магазин. Который процветал и принимал участие в ярмарках, расположенных на берегах Волги.

Зимой 1841-42 г. мы оставили Казань, чтобы перебраться в Симбирск: сели в возок хорошо завернутые в наши меха, Турнэ попросил меня, учитывая свой возраст, оставить дверцу, которая была на стороне, где он сидел, закрытой. Уже рядом с пунктом нашего назначения, вдоль края пропасти, салазки опрокинулись на бок, а при выравнивании дверца открылась и Турнэ выскользнул вниз головой на самое дно;

60

я видел только подошва его сапог, а его тело исчезло в снегу. Мы с трудом вытащили его из этого неприятного положения; он был в таком плачевном состоянии, что я, не колеблясь, решил привести его немедленно обратно в Казань, где он умер вскоре после этого происшествия. Ему было около шестидесяти двух лет.

Вдова Турнэ вернулась жить в Москву, где вы знаете, ее многочисленная семья восстановлена в почетном положении и она пребывает теперь в возрасте от 85 до 88 лет.

Вот, милостивый государь и друг, то, что я думаю, вы хотели бы от меня; если же вы не удовлетворены, я остаюсь в вашем распоряжении.

Ваш. С. W.

Декабрь 1868.»

Несмотря на все, отдавая должное патриотизму и личностным качествам графа Ростопчина, несмотря на одобрение его действий и теми лицами, для которых я исповедуюсь и отношусь с большим

уважением, я не могу не признаться, что в характере его есть жестокость. Посмотрите воспоминания мадам Фюзиль ((II, 253 и след.) ее взгляд на него. Господин Шампион (Универсальная биограф., LXXX, 19) коснулся этого благородного потомка одного из наиболее больших завоевателей Азии (1), а господин Сегюр вынес суждение, которое нам кажется довольно справедливым, говоря «что он объединял в себе безжалостную жестокость башкир со всей вежливостью француза нашего возраста». Безусловно, что в жилах Ростопчина течет больше крови татар, чем русской.

(1) Семейные корни Ростопчина уходят к одному из братьев Чингиз-Хана.

61

(G) Вот то, что написал компетентный человек, мадам Фюзиль, в своих Воспоминаниях (т. II. Стр. 289-90): « Написали много трудов о пожаре Москвы. Особенности заключались в том, что то , что происходило во внутренней части города, с момента бегства русских до входа в него французов, обычно неточны. Иностранцы, снова оказавшиеся заточенными в Москве, смогли же говорить об этом со знанием причин. Тот, кто дал наиболее интересные детали, так это - аббат Сюррюг, кюре католической церкви. Его скромность не позволяет ему распространяться о том добре, которое он делал несчастным людям. Я считаю своим долгом напомнить это здесь.

Ограда церкви (Святого Людовика Французского в Москве на М. Лубянке — прим. перевод.) образовывала довольно просторную местность, которая была заполнена маленькими деревянными домами, где мало удачливые иностранцы находили убежище в любое время. В то время как город был в огне, солдаты часто проходили мимо церкви, чтобы грабить. Все то, что оставалось от женщин, детей, стариков укрылось в храме. Когда солдаты остановились, аббат Сюррюг заставил открыть двери церкви и вышел, покрытый своими священническими одеждами, держа в руках распятие, окруженный этими несчастными людьми, чьей единственной поддержкой сейчас был он, уверенно выдвинулся навстречу этим разъяренным солдатам, которые при этом уважительно отступили... Аббат Сюррюг попросил охрану для защиты все этих несчастных семей, и его просьба была быстро удовлетворена. Император Наполеон захотел увидеть его и предложил различные варианты для того, чтобы он вернулся во

Францию: «Нет, - ответил он, - я не хочу оставить свою паству, так как я могу быть для нее еще полезным». Хотя продовольствие было очень редким, но то, что послали аббату Сюррюг, он распределил ее между всеми, как хороший пастырь.»

Аббат Адриан Сюррюг умер 21 декабря 1812 г.,

В возрасте шестидесяти лет, окруженный уважением и почтением всех его прихожан. Его свидетельство о кончине не содержит сведений о месте его рождения, но мы знаем, что он был доктором богословия в университете в Сорбонне, бывший директор королевского колледжа Тулузы, каноником соборной церкви Пильтен (епархия в г. Вильно) и, наконец, кюре — декан **(протоиерей — настоятель по православному. Прим. перевод.)** церкви Святого Людовика Французского в Москве. Его преемником стал аббат Антуан де Малерб, родившийся в городе Паре-ле-Моньяль (Бургундия), бывший викарий епархии Шалон-сюр-Марн, каноник г. Вильно, умер 7 февраля 1828 г., в возрасте 84 лет. Аббат Малерб был заменен аббатом Жан-Батист Николя, умерший став жертвой самоотверженности во время холеры, 6 октября 1830 г., в возрасте 67 лет. Этот последний был человек без особого образования и достаточно грубый, но с милосердием, которое не знало границ; несмотря на присмотр, который осуществлялся по отношению к нему, не было возможности заставить переодеть его в другое белье и другую одежду, кроме той, которую он носил постоянно. Сын господина Армана, одного из ссыльных на Волге, (его отец также был ссыльным там) мне рассказывал, что однажды вынужден был отправиться в отвратительную погоду в очень отдаленный район Москвы, впереди он увидел шлепающего по грязи аббата Николя, он приказывает остановить свой экипаж и говорит ему о его неблагодарности. «Я не мог поступить иначе», - отвечает этот добрый и такой больной старик. «Но тогда вы должны были бы взять экипаж на месте». «Друг мой, я это мог бы сделать, но врач прописал мне для лечения хорошее вино и я потратил последние деньги, что были дома», - и он показал на две бутылки, торчавшие из карманов и еще больше отягощавшие его путь. После смерти этого верного слуги Христа, список пасторов, которых эмиграция предоставила зарождающейся церкви Святого Людовика

Москвы, был закрыт.

63

(Н) Пусть будут сравнены жесткие лишения, которые он навязал папе Пию VII, которому не позволили даже взять предметы первой необходимости в суровом плену, который он ему навязал, с непринужденностью, которую ему предоставило английское правительство. Он не мучился состраданием, видя духовные муки, которые он наложил на этого несчастного старика, духовного главы ста пятидесяти миллионов человек, чье сознание он хотел таким образом покорить. Если дурацкий приговор английского правительства был двуручным, то какое осуждение вынесем ему мы. Консультируйтесь с Дюверже де Оранн: римская Церковь и первая империя.

(Ж) Если огромные расходы, вызванные содержанием более одного миллиона солдат, не поглощают большую часть бюджета страны, было бы хорошо заняться созданием народных школ во Франции, страны являющейся одной из самых невежественных в Европе, не в обиду будет сказано о нашей великой нации. Было бы полезно, чтобы народ забыл свой шовинизм, чтобы в рассказах старого солдата империи не мелькало в мельчайших подробностях, как он дубасил итальянцев, немцев, испанцев, русских и многих других, как грабил, унижал, расстреливал или обстреливал, но приходил бы учитель начальных классов и давал ему некоторые понятия по истории. Крестьянин знал бы, что репрессии, которые омрачили нашу страну, были незначительны по сравнению с тем, от чего пострадала вся Европа; он знал бы все религиозные церемонии, отмечающиеся в память о бедствиях, распространенных со всех сторон войсками Наполеона, церемоний, которые напоминают знаменитый стих ектении: «Господи, избавь нас от ярости норманов, в ужасе взывали наши отцы к небу». Справедливо, что если крестьянин был бы менее невежественным, он не стал бы отказываться от своих прав и прогибаться под всемогущество правительства.

64

(К) Битва при Можайске известна в России под названием

Бородинской битвы. Я не буду говорить об этой великом сражении, потому что откровенно признаюсь, что впечатление, которое я чувствовал на поле боя, не отличается от того, которое я когда-то чувствовал, когда рассматривал поле битвы, где был побежден Аттила, но я буду говорить о трогательной церемонии, свидетелем которой был в этом году. Годовщина битвы отмечается в церкви монастыря, основанного вдовой генерала Тучкова, там, где погиб этот храбрый солдат, там же начинается и богослужение по этому событию. На следующий день я посетил панихиду за упокой душ погибших в тот день. Там я нашел кое-каких русских, кого знал, но никто из них не был удивлен, увидев среди них француза; какой семье не пришлось оплакивать потери в катастрофической российской кампании. Утром, была прекрасная погода, но немного холодная (ночью была изморозь); мы увидели духовенство окрестных деревень; сначала сделали остановку рядом с высоким памятником на одном холмике, а потом направились в монастырь. В воротах монастыря нас встречал архимандрит Можайского монастыря, в окружении многочисленного духовенства, прибывших из всех частей округа. Быстро началось богослужение; красивые песни греческой литургии были исполнены монахинями самым замечательным образом; очень большая аудитория состояла из районных властей, крестьян этого района, сельских помещиков, купцов и т.д. Я заметил довольно красивого старика, по-прежнему энергичного, несмотря на его возраст; на мой вопрос, кто это, мне сказали, что это один из последних свидетелей и актеров великой битвы. Это был господин Варженевский, отец господина Константина Варженевского, бывший полковник гвардии, е которого останавливался Александр

Дюма, в своем полномничестве на Бородинское поле. После церемонии, которая длилась более трех часов, Игуменья предложил свое радушное гостеприимство; мы вошли в трапезную, частично уже заполненную многочисленным духовенством, которое совершало службу; обед состоял в основном из хорошей нежирной рыбы, покрывшей все расходы. Настоятельница монастыря, очень уважаемый человек, урожденная княгиня Урусова, и была княгиней Волконской прежде чем уходить в монастырь; именно ее увидел в

свое время наш знаменитый романист Дюма.

(L) Шевалье Изарн торговал сельскохозяйственными продуктами; ущерб, причиненный в экспорте из-за континентальной блокады, которую Россия была вынуждена принять, пошатнула дела шевалье; но к счастью он поднялся. Когда он умер, его кредиторы были не только полностью оплачены надолго вперед, но он еще оставил прекрасную недвижимость, которая, как мне сказали, досталась племяннику, который жил во Франции.

(M) Я не знаю в точности, где жил господин д'Изарн, но это было не далеко от Моста Маршалов (**Кузнецкий мост — примеч. перевод.**) и церкви Святого Людовика Французского, расположенные тот и другой в Мясницком квартале (№ III, церковь Святого Людовика № 25). Это была без сомнения Лубянская площадь. Китай-город окружен, так же как Кремль, зубчатой стеной, служит бастионом с каналом перед этими укреплениями; само собой разумеется, что эти укрепления не несут на себе следы тех лет. **(Судя по описанию событий на первых страницах «Мемуаров» и происходящего на Введенском кладбище, Изарн должен был постоянно проживать в Лефортово либо в Немецкой слободе, но никак не на Лубянке — примеч. перевод.)**

(N) Не надо ошибаться по поводу восклицания шевалье Изарна. То, что его поражает, состоит в том, что он видит

великого человека, ищущего ответ на политические предметы у женщины. Когда я прибыл, молодой человек, в Россию, более тридцати пяти лет тому назад, я, имевшийся возможность беседовать со многими из этих людей, которые были, или будучи сосланными на Волгу, или кто последовали за отступлением французов; господин Изарн сам рассказал мне много случаев из той ужасной эпохи; формально я могу подтвердить, что эта дама считалась среди своих соотечественников женщиной уважаемой и редкой энергии. Несчастная заплатила ужасно роковую честь за разговор с современным Чингиз-ханом; она была одной из наиболее печальных жертв той катастрофической эпохи. Она организовала в Москве магазин и большой отель, руководя ими с ловкостью. Ее отчеты Наполеону состояли в основном из критических замечаний;

ее память была с удовольствием испачкана некоторыми романистами и страстными историками, которые приписали клеветническую и недостойную ее черту характера. Когда французская армия оставила Москву, она последовала за отступающими со своими детьми; страдания этой семьи не были меньше тех, что переносили другие беглецы, но рассказ ужасен. Будучи разделенной от своих во время боя, ее случайно обнаружил в Вильно один из ее родителей. Молодая девушка была наполовину безумна от страданий, которые ей пришлось перенести от банды солдат, утолявших на ней свою грубость. Несчастная женщина извивалась и находилась во власти ужасных мук, которые и положили конец ее существованию. Умерла ли она от тифа? сильные предположения дают повод полагать, что яд сократил ее дни.

Я было подумал о том, что, вероятно, придется скрыть имя этой дамы из-за ее многочисленной семьи, которая живет в Москве и где восстановлена ее честь. Главный редактор

67

российского архива на копии рассказа от сэра Фрэнсиса Ивернуа и других документах по 1812 году, опубликованных им, где имя кельтской дамы находится во всех письмах совершенно недвусмысленно, не считаясь обязанным скрывать его. Так как рассказ на французском языке появляется за границей, я считаю себя избавленным от скромности, эта дама называлась Марией Роз Шалме, женщина Жана-Николя Обза, уроженца Шато Сален (Мерт), умершего в Москве 17 июня 1826 года, в возрасте 54 года.

(О) Я нахожу пометку двух человек этой эльзасской семьи в документах, к которым я смог обратиться, первая - Филипп-Ксавье д' Одрэ, шевадьё Сент-Луиса, родившийся в Страсбурге, умерший в Москве 31 октября 1828, в возрасте 84 лет; его жена еще жила к 1836 в 1838 годах.

Второе лицо этого имени, которое было в Москве, называлось Жозефом д' Одрэ, бывшим лейтенантом на службе России, родившимся также в Страсбурге. Этот последний не умер в Москве, он не возвратился бы и во Францию при реставрации; это был то же Ж. д' Одрэ, высший офицер, и т.д., секретарь посольства Франции, член Швейцарской Конфедерации, который выпустил в свет перевод «Мессии», Клопшток. Париж, 1825-26 г., 3 том..

Жозеф Кара, доктор медицинских наук, сочетался браком с Мари-Елеонора-Флорентина Оррэ, дочерью Филиппа-Ксавье. Доктор Кара еще жил к 1835 или 1836 годам, но вскоре умер некоторое время спустя; его семья еще по-прежнему проживает в Москве с несколькими сыновьями.

(Р) Вот заметка, которую я сообщил в 1855 году библиографу Керард, который ее напечатал в своей газете «Керард». Я ее воспроизвожу, потому что

68

считаю ее очень любопытной: «Типография господина Н. Всеволожского была основана в 1809 году. Она опубликовал большое число трудов на всех языках; в 1817 году ее уступили министерству народного просвещения и ее перевезли в Санкт-Петербург. Вот рассказ, который относится к этой типографии. В 1812 году господин Всеволожский покинул Москву со своей семьей за два дня до входа в этот город французов. Господин Огюст Семан, тогда директор этой типографии, должен был к нему присоединиться следующим днем, но был арестован по приказу графа Ростопчина, и стал одним из сорока французских ссыльных, уехавших на лодках на Волгу (voy. это примечание Е.). Господин Юе, французский мастер печатного станка, был ответственным за управление этим имуществом в отсутствие владельца и директора. Во время оккупации города французской армией, я не знаю, какой генерал, но он нашел дом господина Всеволожского вполне меблированным, чтобы расположиться в нем А так как печатный станок был хорошо смонтирован и мог функционировать незамедлительно, он взял остававшихся там еще рабочих, затем приказал господину Юе заменить печатный знак, гласивший «Типография императорского Академии медицины», на «Императорская типография Великой Армии». Я не думал, что эта временная типография ничего произведет другой, чем повестки дня или провозглашения.» Потом я обнаружил в моих документах, несколько дополнительных сведений. Офицер, который остановился в доме Всеволожского был генерал Лагранж. Русских рабочих, желавших оставить мастерские, генерал, говорит господин Юе, насильно не задерживал, но предлагал им надбавку к зарплате, с обещанием оплаты каждый вечер; именно они под наблюдением

господина Юе напечатали все провозглашения и бюллетени Великой Армии.

Господин Левро, который следовал за армией с маленькой

типографией кампании, был обязан графу Дарю, который оплачивать все; он снова отремонтировал, вопреки финансам, оборудование своей маленькой типографии.

При выходе французов господин Юе опасался, что его отношения с армией могут создать много неприятностей с приходом русских властей; он последовал за отступающими, но еще до конца первого дневного перехода, будучи ограблен и сильно обижен французскими солдатами, он вернулся назад. и возвратился в Москву, где никто даже не думал о том, чтобы его искать.

Находятся сведения о господине Всеволожском и случайно о печатнике Огюсте Семан в Воспоминаниях мадам Фюзиль (II, стр.261 и следующие)...

(Q) Мадам Фюзиль, которая пела на всех этих концертах, нам абсолютно ничего не говорит по поводу этих итальянских певцов, но однако это было; я еще узнал заслуженного кастрата, который был в Москве в эту эпоху. Правда, говорили в маленьком французском театре города, где она играла в течение нескольких лет, что играет она со своим вторым мужем, о котором она сама не говорит. но существование которого для меня было обнаружено актом Церкви Святого Людовика Французского, в выписке Крестильной книги сына, родившегося 9 декабря 1809 года, и названного таким образом: «Александр, сын Леона Жюльена, артист, и дамы Анриетты Флери, его супруги». Несмотря на имя Анриетты, это действительно имеется ввиду мадам Луизу Флери; ниже мы увидим, что это не единственный ребенок, которого она имела с Жюльеном, актером театра Москвы.

Труппа французского императорского театра Москвы была распущена с приходом французов.

Мадам Фюзиль говорит о представлениях, которые были даны перед Наполеоном и его генералами в особенном театре, принадлежащем господину Познякову, императорский театр был сожжен, но она не дает ни одного имени актеров, которые являлись частью труппы. Эме Мартен,

дал в 1814 году, в журнале «Дебаты», жесткое заключение по отношению кампании в России, по Эжену Лабом, выражавшееся так: «Это было в то время и это было время этого человека, о котором сказали с таким бесстыдством, что он был за пределами человеческой истории, он принадлежал ко времени героев, он был выше, чем восхищение, и что выше была только любовь, которая бы смогла возвыситься до него (Монитор 29 июля 1807 года, страница 817)? Этот человек имел удовольствие играть комедии в Кремле, и, в своей слепоте, позволял приближать день, который должен был уничтожить позорную власть над Европой». Затем он добавляет в примечании: « Мы можем знать об этом факте от мадам Авроры Бюрсэ, тогда директора императорского театра Москвы, и одной из жертв Бонапарта.»

Пусть мадам Бюрсэ будет одной из жертв Бонапарта, этот титул присущ и для многих других; но то, что она была директором, это вряд ли входит в привычки страны, где я всегда видел, что только генералы заполняли эти рабочие места. В общем, это более чем вероятно, она являлась только частью труппы. Арман Домерг (значившийся по актам, которые я видел: Луи - Антуан Домерг, именуемый Сен-Аманд, рожденный в Осер, Йонна) в своих Воспоминаниях говорит нам, что он был управляющий. Я знал старика по имени Дюкло, умершего несколько лет тому назад в очень преклонном возрасте, приехавшего в то время, чтобы закончить свою театральную карьеру в Москве. Он был уже слишком стар, чтобы снова подниматься на театральные подмостки, когда в суматохе, дама Карцова, вдова русского дворянина и бывшей французской актрисы, если я не ошибаюсь, создала французскую труппу, которая играла в театре, ей принадлежащий. Именно в конце 1828 года эта новая труппа начала свои представления; находятся отчеты, так же как и сведения на

артистов в бюллетене Севера... публикуемые господином Леконте из Лаво (Москва 1828 и 1829 гг.), номера за: Февраль (230-33 стр.), Сентябрь (стр. 73-8), Октябрь (стр. 148-59) и ноябрь (стр. 237-44)

1829 года.

После того, как в 1830 году французский Императорский театр был восстановлен; были набраны актеры из труппы мадам Карцовой, которая прекратила свою деятельность, а также из труппы в Варшаве, которая была разогнана происходившими там событиями, и таким образом были заполнены пробелы артистами, которых выписали из Франции. Любопытная особенность, одна дама Жюльен, дочь мадам Луизы Фюзиль, приехала в это время из Варшавы в Москву и оставалась в труппе до тех пор, когда большой театр в Москве не сгорел, в 1850 году, и французская труппа по-прежнему была упразднена. Она возвратилась к тому, чтобы проедать свою пенсию в Варшаве, затем около 1860 года, приехала жить в Санкт-Петербург и умерла в 1867 году в доме престарелых, основанном в городе французской ассоциацией благотворительности (voy. номера 45-7 и 50 библиографической записи).

(R) По вопросу о ложных ассигнациях мы находим у А. де Бушам: историческая критика ... о работе генерала графа де Сегюр ... Париж, 1826 год, записка, которую стоит процитировать:

Примечание сообщает.

"Когда были подписаны предварительные условия мира в Тильзите между Россией и Францией, тайный агент Наполеона, который отличился в Вене, предложил ему себя для поездки в Санкт-Петербург. Дипломатическая миссия скрывала цель его путешествия, и вскоре после этого этот рискованный эмиссар был в состоянии отправить в Париже на бульвар Парнас модели плат, штампов и пуансоны российских банкнот. Как бы не подозревали его в Санкт-Петербурге в злых намерениях, он вернулся облеченный ореолом славы и с оливковой ветвью в руке.

Подбор сотрудников проводился с тщательной предосторожностью так, чтобы сами парижские художники, используемые для подделки, не догадывались, в каком произведении позора был унижен их талант. Господин V. и господин F. были единственными, кого поставили в известность; первый был литейщиком печатными буквами, он встречал художников, потом буквы, цифры и эскизы, которые они делали, он гравировал и формировал в то, что

называется планшетом. Господин F, печатник, был ответственен за тираж. Ему помогал господин С ..., который долгое время работал в его мастерской, и господин D..., который скрывает теперь свое существование в типографии Брюсселя.

В 1812 году пытались торжествовать над Россией тем же оружием, которое было использовано в 1809 году. Чтобы разрушить кредит доверия, в банки должны были выпустить фальшивые кредитные билеты, но на этот раз Бонапарт был менее удачлив. Изготовление русских билетов представило непредвиденные затруднения; это делалось с медлительностью, которая была не в состоянии вместить нетерпение его характера. Кампания уже началась, когда он увидел прибывшие 28 контейнеров, в которых приносили эти фальшивые билеты; у него не было времени, чтобы что-то согласовывать по поводу них; он бы даже не смог распространить их в городах, через которые проходили армии; все они были полностью пусты. Согласно этой версии, фальшивые банкноты следовали за армией в Москву. По словам господина де Сегюр они будут арестованы в Вильне; но это уже неважно, факт исторически констатирован. Какой источник размышлений из этого вытекает! В Париже была

73

организована мастерская по выпуску фальшивых билетов для банков Вены, России и Лондона!... »

Кто бы ни скрывался под этими инициалами, теперь это не имеет большого значения; но дипломатический агент слишком хорошо известен, чтобы на него не подать в суд, если только факт, в котором он обвинен, не настоящий. Коленкур, герцог Виченский, был послом Наполеона при дворе России, с 1807 по 1811 год. Это не может быть Лористон, который оказался при дворе только до вторжения в Россию. Итак, вот еще одно публичное обвинение в нечестности, прикрепленное на груди человека, уже пригвожденного к позорному столбу истории за преступление, совершенное по отношению к герцогу Энгийенскому; так как несмотря на защитную речь господина де Барант (Биограф. Универ. LX, стр.318 и s ., или нов. эдикт. VII, стр.247 и s). потомство будет видеть всегда в господине Коленкур одного из приспешников Наполеона. Это - последствие обузданной публичности; когда обвинение не может вестись свободно, защита не возможна. Но

будущие времена нам еще покажут правду.

(S) мы читаем в труде г. де Шамбрэ: «История экспедиции в Россию» (II, 29).

« Наполеон говорил в сухом и резком тоне, с прерывистыми фразами. Эта манера говорить обеспечивала ему твердое командование, и часто случалось, когда он испытывал раздражение или недовольство, то относился к своим генералам с грубостью; они действовали так же со своими подчиненными, и все остальные, какими бы маленькими командирами они ни были, подражали последним. Я замечу по этому поводу, что грубость начальников по отношению к их подчиненным, которая может быть вредной во многих отношениях, выгодна в том, что экономит время. Именно Наполеон ввел это изменение; оно датировалось началом нашей революции. Потрясение, которое имело место

74

тогда в социальном строе, внезапно повысило до первых военных чинов без обязанности проходить через промежуточные степени толпы людей без образования. Их манеры были простыми, командование несдержанным и порывистым, часто грубыми... но они были храбры. Были потеряны и эти манеры, и эти вежливость, которые так долго отличали французских офицеров, но зато выиграли в военном отношении».

(T) Этот отрывок воспоминаний требует объяснения. Я не должен делать нравственную параллель между старой и новой французской колонией в Москве, но я обнаружил, что первые отличаются от новых по урбанистике и манерам. Причина проста. Колония была составлена в основном из чистокровных французов из Эльзаса, Лотарингии и трех епископатов; брак императора Павла с принцессой Вюртембергской (С.М. Мари Федоровны), которая была родом из Монбельяра, имения ветви ее семьи, наполнил Россию многими людьми из этого княжества. Нидерланды, особенно провинция Льеж, предоставляли большой призывной контингент из этой колонии, который вербовался только в этих маленьких франкоговорящих краях; надо к этому присоединить индивидов французской Швейцарии, с которыми сталкивались во всех странах. Наполеоновские завоевания повсюду встречали их контрудар. Революция отправила в Россию, особенно в Москву, в качестве

эмигрантов большое число дворян и священников. Террор и большое истребление человеческой плоти, сделанное Наполеоном, даже в постели пугали еще многих людей. В конце прошлого века

75

и в начале этого, поездки были дорогостоящими и трудными, и Россия была далека от того, чтобы быть доступной как сейчас, поэтому возобновление колонии было практически равно нулю. Легкость материальной жизни позволяла жить со дня на день, и, к сожалению, без большой предусмотрительности; ежедневный контакт иностранцев, особенно французов, с высшими классами, навязывал им свою сдержанность и давал им привычки, которые больше не актуальны сегодня. Когда новый прибывший попадал в гущу этого однородного общества, он становился его частью, и за очень небольшой промежуток времени он был вынужден терять свою шероховатость и грубость. Значит ли это, что у этого маленького общества не было оригинальности? Считать так было бы ошибкой; у этого общества ее было больше чем у того, кто это общество сменил. Развитие крупной и мелкой промышленности, особенно создание государственных дорог в первую очередь, затем железные дороги, пароходы, большие потребности, но особенно значительно большая легкость въезда в страну, влили в Россию, и, следовательно, в Москву, ряд иностранцев и в большом количестве. Заботы, дела, и все, что из этого следует, а также все что делают другие жители страны — все это делает так, что нынешние члены колонии в Москве ничем не будут отличаться от своих земляков. Нравы и обычаи французов, живших в несчастном городке, павшем под когтями грифа, были из тех провинций Франции середины прошлого века. Эти обычаи сохранялись, постоянно ослабевая, до 1840 года. Параллельно положите эти приятные и мирные обычаи с обычаями армии, которая уже пятнадцать лет занималась тем, что гуляла из одного конца от Европы в другой, чтобы разбивать троны, грабить народы, подминать все чувства, налагать унижение, сеять боль,

опустошение и разорение, и вы поймете, что отталкивало бывшего эмигранта шевалье Изарна. Впрочем, что могли ожидать от армии, которая не видела больше родины, так как ее заменял лагерь и флаг. Люди, которые сомневались бы в том, о чем я рассказал о бывшей французской колонии Москвы, должны прочитать не только то, о чем говорит мадам Фюзиль в своих Воспоминаниях.

(U) Эта медная монета была огромной; она чеканилась в значении 5 копеечной (с подразделениями) монеты; каждая монета весом почти четверть фунта образовывала диск или шайбу. Серебряный рубль составлял 100 копеек, валюта равнялась 4 франкам, так что 5 копеек меди на сумму 20 центов на самом деле стояли далеко за пределами рыночной стоимости. Наличные бумажные деньги были редкостью, так как созданы были во времена императрицы Екатерины II (может быть и раньше, но я не могу говорить точно, так как других не видел). Колебания и обесценивание бумаги, расстроили соотношение бумажного денежного знака с представителем монет из драгоценных металлов. Все эти нарушения происходили на уровне отношений бумажных денежных знаков с золотом и серебром. но медь оставалась постоянной валютой низших классов. Когда серебряный рубль стоил четыре рубля ассигнациями, представляя 400 копеек, медная копейка осталась копейкой; так что за серебряный рубль давали четыре рубля ассигнациями или 80 больших медных монет вместо 20 первоначальных. Само собой разумеется, что это больше, чем сейчас. Мне сказали, что капитаны

торговых судов сделали огромные состояния на экспорте этой валюты для переплавки. Впрочем, то, что я говорю здесь о медных монетах, подтверждено таблицей русской торговли, сделанной господином Франсисем д' Ивернуа, о котором я говорил выше. Делая выписку экспортных поставок русской торговли до и после введения континентальной системы, к которой Наполеону заставил присоединиться Россию, Ф. Ивернуа констатирует, что экспорт меди, который составлял 2.073 пуда, вырос до 37,378 пудов и объяснял это тайной переплавкой медных денег. В другом месте

этой выписки, он указывает, что в 1804 году, серебряный рубль стоил только 1 рубль 23 коп. бумажными, а в 1811 году он стоил 4 рубля. После реформы медных денег, способ экспорта этих денег менялся, двух копеечная монета, считавшаяся грошем, стала равна пяти сантимам, что соответствовало одному су. Много людей тогда рассчитали относительно этой разницы, какую значительную прибыль можно было из этого получить. Я говорю об этом факте, потому что знаю несколько человек, предававшихся этому спекулятивному роду деятельности, впрочем, не в провинциях Франции, где этих монет не видели.

(V) По какой причине шевалье Изарн думал, что должен был дать только первоначальную букву из этого имени. Арестованным человеком был не кто иной, как молодой Нарышкин, адъютант генерала, а арестовал его лейтенант вольтижеров 5 линейного полка, господин Леле де Мопертюи.

(X) «Набережная первого мая, - сказал Lecoq de Lavo («Описание Москвы». 1835 год, II, стр.220), - та, которой Москва может по праву гордиться больше всего.

Ее наименование (гулянья на этом месте немецкой слободы, кажется, восходят к царствованию Петра Великого) было введено согласно обычаев немецкой колонии. Она доходила фактически до лесного массива Сокольники. Когда стоял благоприятный сезон, это место представляло очаровательный вид...» В этих гуляньях принимал участие весь город с участием аристократов, купцов, мещан и простонародья.

(Y) Я слышал еще одну причину для снятия креста. Французы были поражены при виде золотых куполов. Кто-то сказал им, что этот большой крест, который украшал купол башни Ивана Великого, был из чистого золота, и жадность заставила их его похитить. Что с ним случилось? Точно, что он не добрался до Франции, и никогда его уже больше не увидели москвичи. Вполне вероятно, что он утонул в грязи реки, возможно, Березины.

**Список домов в Москве перед вступлением французов,
число сожженных и тех, которые остались.**

Десять округов в 20 кварталах с разделением на 17 районов	Дома до вступления французов в город			Дома, оставшиеся после эвакуации французов			Общее число оставшихся домов после эвакуации французов
	Камни	Дерево	Итого	Камни	Дерево	Итого	
Наименования все те же	Камни	Дерево	Итого	Камни	Дерево	Итого	
I. Городская	146	-	146	8	-	8	138
II. Тверская	312	155	465	85	32	117	350
III. Мясницкая	247	165	412	188	111	299	115
IV. Пятницкая	152	308	550	1	4	5	545
V. Якиманская	227	289	516	10	29	39	477
VI. Пречистенская	136	302	438	6	3	9	429
VII. Арбатская	120	424	544	21	75	96	448
Подновинская	35	273	308	13	129	142	166
VIII. Сретенская	107	468	575	10	17	27	547
IX. Яузская	195	417	612	19	17	17	36
X. Басманная	123	208	331	16	32	48	285
XI. Рогожская	118	338	456	8	43	51	405
Таганская	112	433	545	9	-	9	536
XII. Серпуховская	97	484	581	31	266	297	284
XIII. Хомовническая	39	343	382	15	163	178	204
XIV. Пресненская	24	443	467	12	263	275	142
XV. Souschtchovskaia	35	357	392	7	12	19	373
XVI. Мещанская	62	405	467	26	167	193	274
XVII. Лефортовская	88	240	328	14	112	126	202
Покровка (Б.улица в округах III, IX и XVII)	54	402	456	20	322	348	110
	Камни	Дерево	Итого	Камни	Дерево	Итого	
	2,429	6,544	8,973	525	4,979	2,322	6,606
	До входа			После ухода			Об. число

Эта таблица, приводится из рукописи господина Фрэнсиса Ивернуа.

Французы въ Москвѣ 10-го сентября 1812 г.

РАЗЪЯСНЕНИЯ

Эти разъяснения - ответы на вопросы, переданные моим отцом в феврале или марте 1813 году, знаменитому графу Ростопчину, и относящихся к пожару Москвы. Хотя этот ценный документ не несет ни подписи ни даты, рука моего отца достаточно доказывает его достоверность.

В течение четырех или пяти последних месяцев 1812 года мой отец находился в Санкт-Петербурге с полу-официальной миссией английского правительства, и имел причину подозревать, что русские могли быть действительно авторами пожара Москвы. В начале 1813 года он пересек Россию, чтобы присоединиться к штаб-квартире императора Александра в Польше или в Силезии. Он был снабжен рекомендательными письмами для графа Ростопчина, который возвратился на должность управляющего Москвы; он находился несколько дней в этом еще наполовину разрушенном городе. Для того, чтобы прояснить свои подозрения,

81

отец взял на себя смелость передать прилагаемые вопросы графу Ростопчину, который поручил своему секретарю составить ответы и дал их моему отцу после того, как изучил их сам (он, вероятно, имел веские причины для этого). Этот документ полностью подтвердил подозрения моего отца, который не смог воздержаться от того, чтобы не сказать Ростопчину после его прочтения, что в это невозможно поверить, чтобы французы намеренно сожгли Москву, как это утверждали официальные публикации русского правительства. На что Ростопчин ему ответил: «Итак, верьте всему тому, во что вы захотите!» и удалился. Мой отец мне много раз рассказывал об этих деталях разговора, и я вполне сохраняю эти воспоминания в памяти.

Подпись. Авг. Ивернуа

Женева, 18 февраля 1852 год.

Я добавляю, что на журнале меморандума за 1812 и 1813 год, среди адресов в Москве я нашел после имени управляющего графа Ростопчина имя господина Булгакова, его секретаря, записанного рукой моего отца.

О миссии моего отца в России, 1812 год, можно узнать, посмотрев книгу Pertz : Das Leben des Minn. Frh. von Stein. В. III, стр.169. 222 и 634.

А. Ивернуа.

Дрезден, 3 мая 1869 год.

82

Д. Каким было население Москвы:

а) при открытии войны?

Р. 300, 000 душ, мужских и женских.

Д... б) А при вступлении французов в Москву?

Р. Можем утверждать, что не превышало 15,000 душ; жители и главным образом купцы начали оставлять город сразу же после получения манифеста Императора, 6 июля, в лагерь близ Полоцка. За день до вступления французов и в тот же день, 10,000 человек покинули город; остались только те, кому срочная потребность или другие неотложные причины не дали возможности уйти. Более 7,000 домов были сожжены пожаром, отсутствие убежища и ужасное поведение французов заставили остальных покинуть город, подвергая себя самым большим опасностям.

Д... с) В марте 1813?

Р. 105,000 постоянных жителей; в рыночные дни население прежде увеличивалось до 30,000 душ, теперь этот рост не превышал 10,000.

Д. Какова была фактическая численность французской армии:

а) при их вступлении в Москву с учетом раненых?

Р. почти 130,000 мужчин; постоянной была гвардия, остальные корпуса приходили и уходили грабить по очереди.

83

Д... б) При выходе из Москвы?

Р. Он уехал из Москвы, собрав от 60 до 80 тысяч человек, к которым присоединились другие корпуса, дислоцированные в окрестностях. Пребывание в Москве сократило французскую армию, одни говорят о двадцати пяти, другие о сорока тысячах человек, умерших от ран или убитых жителями и крестьянами окрестностей.

Д. Каким было состояние лошадей этой армии по прибытии в

Москву? В какое время начала проявляться смертность среди них?

Р. Французская армия под Смоленском потеряла почти всех своих лошадей и пополняла лошадей за счет страны. Это настолько верно, что имя лошадь стала редкостью у французов, которые называли своих вьючных животных и «кони» и «коньяка», желая тем самым назвать маленькую лошадь крестьянина. Польский и русский крестьянин называл свою лошадь конь, чье уменьшительным слово - «коньяка». Французы не давали в пищу лошадям пропорции, к которым они привыкли; они не могли их подковать или заложить удила по-русски; они набивали их без разбора рожью, овсом, рисом, капустой и продвигали это ударами шпаги по почкам. Это были, не говоря уже о непропорциональном весе, который заставлял их тащиться, основные причины

84

которые вызвали большую смертность среди лошадей. При отступлении лошади были убиты, как в других армиях воле, для пищи.

Д. Какое приблизительное представление имеется о потерях во время пожара Москвы; считается, что потери зданий равны по ценности движимого богатства, которое они содержали?

Р. Чтобы определить даже приблизительно, потребуются большие исследования. Потери должны быть огромными. Расчеты показали, что для снабжения сожженных домов даже простыми стульями из соломы, было бы нужно три с половиной миллиона рублей. По мнению некоторых людей, для того, чтобы восстановить сожженные здания, надо использовать доходы всех жителей в течение трех лет. В Москве осталось нетронутыми 2,322 домов из 9000, числившихся с 1810 года. Муниципальные здания и церкви в расчет не идут. Нет никакого сомнения в том, что движимое богатство бесконечно превосходило стоимость строительного материала домов, учитывая роскошь, которая царилла во всех жилищах. Например, граф Бутурлина может стоить 70,000 рублей, и его единственная библиотека, по крайней мере, в десять раз дороже. И таким образом обстояли дела со все домами господ.

Д. Каковы были осквернения, совершенные французами в храмах Москвы; это правда, что они делали из них конюшни и даже мясные лавки?

Р. Презрение, которое они засвидетельствовали о храмах Божьих, сверх всякой веры; все церкви были превращены в конюшни; так как они имеют большие железные ворота, значит, это безопаснее для ночи. Придя с графом Ростопчиным 23 октября по старому стилю, в соборе Чудова монастыря, мы нашли мертвую лошадь. В другой церкви они плавил золото и серебро, и использовали образы наших Святых, а отделку из дерева использовали как дрова. Кухарка старой гвардии спала и готовила еду за алтарем большого собора, где коронуем российских императоров. В церкви (монастыря) на Петровке оказалась большая мясная лавка. Все это строго верно. Их лошади были покрыты чехлами, сделанными из церковных облачений. Чувство отвращения останавливает меня, чтобы добавить вещи гораздо более сильные. За исключением четырех или пяти церквей, все они были загрязнены; сейчас они очищаются. Осквернение - вещи неслыханные для нас; не только ни одно животное не может войти туда, но мы не позволяем проникнуть туда даже мусульманину, негру или еврею.

Д. Бонапарт, он купил, взял или увез много русских лошадей?

Р. Очень мало по его собственному признанию перешли Неман. В Москве он почти не нашел лошадей, так как жители много их увезли для перевозки своей мебели, пожитков, и пр..

Д. Хватило ли лошадей, чтобы вывезти из Москвы оставшийся запасы?

Р. Отход осуществлялся с такой поспешностью и беспорядке, что они смогли унести запасы только на день, самое большее. Впрочем, отсутствие лошадей и экипажей затрудняло захватить большое количество запасов. Экипажи были столь редки, что Бертье издал приказ от 18 октября, старого стиля, по которому любой экипаж на четырех колесах, который не нес больных или раненых, должен был быть конфискован за исключением экипажей Наполеона, генерала-

майора, М. (неразборчивого), государственного секретаря, секретаря генерала-интенданта армии; каждый маршал или главный командующий армейским корпусом также имел право на экипаж. Из этого видим, что французы испытывали большую потребность в телегах даже для перевозки больных и раненых.

87

Д. Неужели он оставил после отхода продовольствие, хозяином которого он смог стать?

Р. Предыдущая статья отвечает на этот. Я замечу, что прибыв сюда 23 октября, по старому стилю, я нашел в погребках дворца Императора в Кремле, который занимал Бонапарт, провиант любого вида, который его штаб, разумеется, увез бы, если бы были средства. Согласно этому, можем осудить, что остаток армии унес очень мало. Кроме того, транспортировка трофеев, возникших в результате грабежа, волновал французов намного больше, чем транспортировка продовольствия.

Д. В какой период отхода стала испытываться нехватка продовольствия?

Р. Продовольствие после сражения при Бородино никогда не было регулярно и методично доставляемо солдату; каждый запасался как мог или хотел; грабеж в мародерство стало системой из Витебска.

Д. Бонапарт, не объявлял ли он, при вступлении в Москву, намерение наличными оплачивать вещи, в которых будет нуждаться якобы его армия?

Р. Через прокламации Лесепс хотел убедить крестьян окрестностей Москвы привозить в город продовольственные товары любых видов по фиксированным рыночным дням и т.д.. Другая прокламация

88

Виллера, начальника полиции, сообщила, что каждый крестьянин является хозяином своей цены на товары и поставит ее, как он захочет, все это будет оплачено наличными, и если цены не согласны между покупателем и продавцом, последний, в целях безопасности, будет сопровожден эскортом к воротам. Несмотря на эти коварные приманки, французы были блокированы голодом в Москве; хлеб был крайняя редкость.

Д. Какую сумму, предположительно, он выплатил в связи с этим?

А. Почти ничего.

Д. В каком виде наличных?

А. Очень мало было выпущено серебряных рублей. Платежи были сделаны бумажными купюрами и были выплачены членам муниципалитета, и т.д., и т.д.

Д. У вас есть достоверная информация, что он сам заставлял выпускать фальшивые ассигнации?

А. Нет никаких сомнений в этом отношении. Женщина получила милостыню от Бонапарта и Мортье; первый дал ей 200 рублей, второй 100 рублей ассигнациями; все они были фальшивые. Считается, что фальшивые банкноты были подготовлены заранее в Польше; идея поставить их в обращение была дана Бонапартом в Вильно; между тем, число их, кажется, было значительным.

89

Д. Если бы Москва не была сожжена, какие ресурсы Бонапарт нашел бы там: а) чтобы изменить свою армию?

Р. Ресурсы, которые представляла Москва, были огромны. Этот город обладал складами любых видов; единственные боеприпасы не устроили бы Бонапарта, так как в связи со срочными распоряжениями графа Ростопчина, порох, свинец, пыжи, и т.д. были удалены; оставались лишь в арсенале только 10 или 15,000 ружей и сабель, которые граф заставил распределить простолюдинов и мещан; город был обеспечен на шесть месяцев.

Д... б) А запасы на отступление?

Р. Вся французская армия, которая оказалась в Москве, могла быть одета; Бонапарт не смог получить пальто только для 6,000 солдат, которые были обязаны шить их себе сами наспех.

Магазины города объединены в единственном месте под названием Китай-город, там, где ночью начался пожар с 2 на 3 сентября, по старому стилю.

Остальные вопросы носили чисто экономический характер, поэтому мы не сочли целесообразным их воспроизводить.

*****

СУДЕБНОЕ ДЕЛО
СЛУЖАЩИХ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА МОСКВЫ
установленного французами в 1812 году

Следующий фрагмент переведен и опубликован в журнале «Русский Архив» № 6, 1868 года Петром Бартеневым, куратором библиотеки, открывшейся в Москве для литературной общественности г-н Чертковым. Мы нашли его достаточно интересным, заслуживающим того, чтобы представить глазам читателей.

Солдаты Великой армии, входя в Москву, мечтавшие лавровые венки, теплое жилье, длительный отдых, обильное питание и богатую добычу; вместо этого обнаружили пустынные улицы, брошенные дома, кучи мусора всех видов, брошенных здесь и там, ставших добычей пламени, зажженного рукой патриота.

Разочарование было полное; санкционированный грабеж не смог удовлетворить всех. Напрасно маршалы и генералы

91

пытались втолковывать и задерживать грабителей, для того, чтобы спасти остатки продовольствия для регулярного снабжения армии; грабеж не прекращался и продукты питания стали все более и более редкими. Было невозможно положиться на результат дружеских провозглашений, направленных руководителями, чуждых жителям окрестностей столицы, приглашающих предоставить им рынки города. Надо было сообщить о мерах, которые бы смогли внушить доверие народу; Наполеон призвал на помощь жителей города, и формирование муниципального совета было остановлено.

Мысль о том, чтобы облегчить страдания жителей была, естественно, на втором плане, в принятии таких мер; то, что оставалось от жителей (1) было столь малочисленно, что установление военного правления (усиление корпуса

Ростопчин в ответ на требования Кутузова, в своем сообщении от 28 октября 1812 года, № 41, пишет, что он не может уточнить в точности количество жителей, оставшихся в Москве, но что он предполагает, что на момент вступления врага в город их было, приблизительно, десять тысяч, и что в течение бегства количество не превосходило трех тысяч. (Взято из тайного дела, помещенного в архивы Правительства Москвы, №18 и 189,

813, прилагаемые документы предназначались для другого дела, которое послужило материалом для редакции настоящей статьи, и которое мило было предоставлено редакции «Русский Архив», D.J. Howaisky).

92

охраны, патрули пешие и конные) используемого в подобных случаях, было вполне достаточным для обеспечения безопасности мирных горожан; если деятельность двух губернаторов и коменданта (1) движется в одном направлении, то участие заинтересованных сторон было бы излишним. Назначенный интендантом Лессеп, как председатель муниципального совета, дал ясно понять, каковы будут основные функции нового учреждения: ей придется иметь дело со снабжением армии, которое еще отсутствовало. Муниципальный совет был разделен на шесть отделов, каждый из которых выполнял свои функции: покупка снабжения, распределение жилья, содержание улиц, мостов и дорог, вывоз трупов, загромождавших улицы, освещение города, поддержание порядка и спокойствия, отправление правосудия, наблюдение больниц, наблюдение порядка в отпращивании культа, наблюдение и помощь мелким предприятиям, и, наконец, распределение помощи малообеспеченным жителям.

(1) Генерал-губернатором был маршал Мортье, губернатором был Дюроннель (*), и комендантом граф Мийо(**).

*См. Примечание 1 ниже.

**См. Примечание 2 ниже

93

Как легко видеть, круг деятельности совета был широким, но трудно сказать, кому были более полезны результаты этой деятельности, для города и его жителей или наполеоновской армии. По словам прямых свидетелей, жители Москвы не ощутили никакого улучшения в своем положении во время французской оккупации. А что касается снабжения армии противника, французы, покидая столицу, сожгли магазины с значительным запасом пшеницы, и, несмотря на эту меру, российские войска, по возвращении в Москву, нашли еще несколько таких же без не тронутыми; более того, движение французской армии были затруднено, из-за большого стада крупного рогатого скота, который тащили за собой (1). Таким

образом, можно предположить, что если сам совет и не проявлял активного участия, то по крайней мере некоторые из его членов оказали явную помощь французской армии. Муниципальный совет, помимо председателя интенданта, состоял из мэра, его помощников, членов, секретаря и кассира. Полиция была возложена на начальника полиции, на комиссаров и их помощников.

(1) История Отечественной войны, Богданович, т. III, стр. 6.

94

У муниципалитета были свои переводчики, специальные служащие для покупки продовольствия и для взяток. Количество тех, кто охотно принял поручения и рабочие места от неприятеля, было очень небольшим; он состоял из иностранцев и нескольких русских, и при этом, среди этих последних оказались люди, которые были замешаны в тёмных делах и надеявшихся под защитой врага обогатиться за счет других. Другие были взяты врасплох, и принимая рабочие места, не ставящие их под угрозу, делали это, чтобы спасти свои семьи от голода. Согласно постановлению Сената, перед которым они подверглись судебному разбирательству, было признано, что большинство членов муниципальной администрации приняло рабочие места только по слабости характера или вынуждены были принять их по принуждению. Хотя наибольшее число сотрудников муниципалитета были вынуждены принять места, французы решили, что придется идти на уступки, давая функции такого характера, которые бы, насколько возможно, нельзя было расценить как предательство. Новый муниципальный совет имел полномочия для участия не только в операциях стратегического управления, но и обеспечить восстановление порядка в городе и безопасности жителей.

95

Наконец, для оправдания тех из московских служащих, которые остались в оставленной столице и подверглись угрозам (вследствие которых многие из них были вынуждены искать свое спасение, принимая рабочие места), мы процитируем слова Ростопчина, которые имеют более общий интерес, и с которыми он заканчивал свой доклад в Сенате (1): «В заключение, я считаю своим долгом

сообщить правящему Сенату, что невозможно было отдать приказ всем служащим, находившимся в Москве во время французского вторжения: 1). потому что главнокомандующий армией, князь Кутузов, уверял меня в своих письмах и народ своими напечатанными провозглашениями даже после Бородинского сражения спасти столицу от вторжения, решив ее защищать. То же самое он повторил мне еще раз 1 сентября в час дня на Поклонной горе, что не помешало ему решить оставить Москву в самую ночь, решение, которое он мне сообщил только в

(1) 28 июля 1814 г. № 2179. (Досье на сотрудников и людей всех видов, которые использовались противником, должен был быть представлен на этих основаниях, по мнению комиссии, созданной для этой цели.) Архивы правительства Москвы. №. 14. №№ 189 и 809 согласно старого регистра № 61, 57.

96

полночь; 2). не только приказание покинуть Москву, но даже малейший намек на этот проект, вызывал бы бунт со всеми его катастрофическими последствиями; моя цель заключалась в сохранении спокойствия Москвы, спокойствия всей России, спасая жителей столицы, и покинуть город безлюдный и без продовольствия, это то, что должно было причинить потерю врагу, то, в чем я полностью имел успех, милостью Божией. Русские войска возвратились в Москву 12 октября (1); Иловайский, Бенкендорф и

(1) Эта дата, как памятный день для России, у некоторых из наших писателей, указывается по-разному: Бантиш-Каменский в «Словаре памятных людей». 1847 год, Том III, стр. 161 датирует вход Howaisky 11 октября; Соловьев в своей элементарной книге «История России» подражает этому; та же ошибка повторяется в книге Богдановича «Описание войны 1812 года» т. III стр. 23 **когда генерал Иловайский входит в Москву 11/23.** Тем не менее, известно каждому жителю Москвы, что освобождение этого города от вторжения галлов и двадцати других языков, которые тащились за ними, каждый год празднуется крестным ходом вокруг Кремля в воскресенье, ближе всего стоящего к 12 октября. Легко понять, почему эта церемония имеет место точно 12, а не 11. Сразу же после отхода Мортье, который состоялся по свидетельству автора Истории отечественной войны 11/23 в шесть часов вечера, ночью неожиданно появились

97

князь А.А. Шаховской незамедлительно занялся тем, чтобы вернуть порядок в разрушенную столицу; занялись также людьми, которые составляли французский комитет. По приказу Бенкендорфа (1),

майор Эльманн, выполнявший функции начальника полиции, остановился на купце Находкине, выполнявшего функции мэра города или головы, взял его документы и его книги: помимо всего прочего он нашел у него список всех служащих, назначенных французами в различное время, с фамилиями, подписями и обязательствами не покидать город, список помогал ему легче контролировать записавшихся (Бестужев-Рюмин, который в этот момент не оказался в Москве, был исключен). Документы, книги и список, найденные у Находкина, были посланы без задержки Императору. Не все служащие, занесенные в список, оказались на месте, так как у многих было время, чтобы оставить Москву вместе с армейским корпусом маршала Мортье (2).

ужасные для Москвы взрывы и пожары; следовательно в город могли войти только на заре, когда Иловайский, изучив обстановку после ухода Мортье, это и сделал, о чем свидетельствует Богданович.

(1) Богданович (том III, стр. 23) дает генерал-майору Бенкендорфу звание полковника.

(2) История отечественной войны, т. III. Стр. 21.

98

В это время Ростопчин находился во Владимире, откуда он внимательно следил за движениями двух армий; он посылал прокламации за прокламациями, чтобы поддержать дух народа и угрожать слабым, которые могли бы послушать чудовище и отправиться к французам с проклятиями в этой жизни и с вечным пламенем в другом (1). В этот период гражданские, военные власти и начальники милиции доставляли ему различные отчеты по людям, подозреваемых в отношениях с врагом, и предоставили в его распоряжение людей, убежденных вовлечь крестьян в предоставлении снабжения или обеспечении других услуг французам. Ростопчин приказал сажать этих людей в острог (тюрьму) Владимира, оставляя свое суждение о них на более благоприятные времена. Вспыльчивость Ростопчина, когда шла речь главным образом о патриотических опасениях, часто вовлекала его в произвольные ошибки (2). Новиков и его друзья

(1) Провозглашение крестьянам, живущим в губерниях Москвы, выпущенное 20 сентября (Сборник рукописей графа Ростопчина, эдикт, стр. 178-82).

(2) Позже, во время следствия, в ответ на предложение министра внутренних дел позволить некоторым невиновным купцам покинуть Москву для восстановления своего дела, Ростопчин заявил, «что в этом случае было

привлекли на себя внимание одного подозрительного патриота (1), но эти подозрения отпали сами собой, увидев в них мало оснований; уже в уголовном деле, предшествующем делу типографской компании, находим только имя Ключарева, и при этом, это не сам Федор Петрович, а его сын, который был полностью оправдан любым обвинением.

После своего выступления в Москве, Ростопчин продолжил со всей своей активностью и энергией дело, начатое Иловайским и Бенкендорфом (2), и думал о том, как с особой тщательностью улучшить положение наиболее бедной части жителей. Его доклады относительно собственности и товаров тех, кто последовал за врагом, комитет министров одобрил и позволил, чтобы их дома предварительно были конфискованы в пользу государства, и чтобы они были использованы для необходимых нужд; что касается товаров (стоимости, мебель, и т.д.). (3,) пусть они будут проданы бы правильно говорить не невиновных, а более или менее виновных; поэтому он думал невозможный предоставить этим купцам передвижение по России в любом направлении, без императорского разрешения».

Смотри приложение 3 ниже.

Смотри приложение 4 ниже.

Отчет Комитета, датированный 11 ноября 1812, № 171.

с аукциона, чтобы использовать деньги для облегчения существования наиболее малообеспеченных жителей. В то же время, она была учреждена следственная комиссия по делу служащих, работавших на врага. Членами комиссии были Ростопчин и два сенатора их Петербурга среди которых был Болотников (1). Ростопчин начал немедленно связываться со всеми губернаторами, которые находились в пределах военных действий, с просьбой, отправлять в Москву всех подозреваемых в том, кто имел отношения с врагом (2) и были бы доставлены до застав. Скоро материалы для

(1) имперский указ на имя Сената 9 ноября 1812 года.

(2) В числе людей, посланных в Москву, вследствие этого положения, оказалась много таких, кто не имел никакого отношения с муниципалитетом этого города, и кто выполнял идентичные функции в Смоленске. Ростопчин думал, что инструкции на таких людей, в

связи с их причастностью, будет проще получать, зная их место жительства которое подготовка на этих лицах была бы легче чтобы установить вместо их адреса, а Комиссия была создана только Москвы. Поэтому этот вопрос передали на рассмотрение и посредничество Вязьмитинову и Балашову (6 февраля 1813, № 336 и 357), а далее на рассмотрение Императора; вскоре после этого была создана специальная комиссия в Смоленске.

101

деятельности комиссии накопились до такой степени, что 3 декабря Ростопчин, делая доклад Санкт-Петербургскому губернатору Вязьмитинову, на документах, изъятых у купца Находкина, написал ему день открытия первой сессии (1). Следственная комиссия закончила свою работу менее, чем за три месяца, и 16 февраля Ростопчин представил завершённую анкету министру юстиции, который в свою очередь отослал ее в Сенат. Сенат просил много раз дополнительные сведения об обвиняемых и счел возможным отпустить некоторых на поруки (2) до момента вынесения решения. 8 июля 1815 года, Сенат вручил суду правительства Москвы указ, содержащий свое решение, основанное на степени виновности каждого из обвиняемых, и обязывающее к его исполнению. Этот Указ гласил: «ошибка большей части обвиняемых происходит из слабости их характера, который им не позволил твердо сопротивляться угрозам и тискам давления бесчеловечного врага, власти которого они должны были подчиниться в силу закона наиболее сильно. Однако в числе прочих были те, действия которых были убыточны и запятнаны подозрениями

(1) Отчет Ростопчина № 249.

(2) Указ Сената от 29 января 1814 года.

102

в выполнении облигаций и в поручениях, которые им были навязаны врагом, показавшие их сомнительную мораль, противоположную святости присяги и долгу хорошего гражданина». В этом Указе также названы двадцать два человека, чью вину мы в дальнейшем узнаем из предоставленного предписания. Младший лейтенант Паланж и профессор гимназии Реми (5), выполнявшие функции комиссаров, и ответственные за распространения провозглашений врага, были пойманы; Сенат осудил их к лишению всех прав, дворянства и ссылке в Тобольск. Комиссар Бушотт,

иностранец, но принесший клятву России, был уличен в предоставлении отчета французским властям, в котором он высказал свое мнение о необходимости принять меры против русских раненых; как предатель своей клятвы, он был осужден и сослан в Сибирь. Иностранцы Фабер, Жан Визар и Лелон, с функцией комиссаров по идеологической работе с населением, внушением доверия по отношению к французскому правительству, вербовки людей для полиции и содержанию жителей, предоставлявших продовольствие врагу,

(5) Примечание 5 смотри ниже

103

Сенат их осудил к тому, чтобы быть приведенным к границе. Купец Смирнов, бывший комиссаром муниципалитета, был взят крестьянами села Вохны, где он распространял провозглашения врага и вовлекал крестьян привезти продовольствие в Москву. Сенат его осудил к кнуту (плети с отбытием в дисциплинарную роту округа).

Дело Бестужева-Рюмина. члена Вотчинного деартамента, известна уже достаточно тремя общественными статьями в Чтениях Общества истории и древности; будет достаточно здесь упомянуть в нескольких словах то, за что Сенат привлек к суду и судил этого служащего. Бестужев-Рюмин жил в том же доме, что и адъютант Наполеона подполковник фон Нивельтон, а на его двери была следующая надпись: «Жилище помощника мэра города». Он пользовался защитой французов и носил, как отличительный признак, красный пояс через плечо. Кроме того, против него было решение, уже вынесенное комитетом министров (октябрь 1814 года) по растрате сумм, сэкономленных в Вотчинном департаменте. Но главной причиной подозрений было его оставление Москвы в день вступления русских войск в город, то, что

104

он не мог немедленно явиться к генералу Иловайскому, командующему войскам, хотя по своему положению не должен был покидать город, и то, что было доказано, согласно мнения Сената, прибывал за городом в кампании своих братьев с двумя экипажами

и слугами. Перечень всех этих обстоятельств подтвердил мнение Сената, которое заключалось в его увольнении со службы и лишения любой пенсии.

На заседании совета университета от 24 августа 1812 года попечитель Кутузов объявил учителям, что, учитывая приближение опасности, те, кто имел желание, могли бы уехать из Москвы: он сообщил, в то же время, и место своего будущего проживания. 30 числа того же месяца, все учителя без исключения, по приказу Ростопчина, получили треть своей зарплаты, деньги на стоимость тройки (три лошади экипажа) и дорожную карту, после чего они все отправились в Нижний Новгород. Профессор Штельтцер, присутствовавший на совете, получил, как и остальные, оклад и командировочные расходы, затем предстал перед 1 сентября перед ректором университета Геймом, чтобы принять "дорожную карту" и заявить, что уезжает без промедления. Вместо того, чтобы выполнять свое обещание, он сопровождал свою семью, а затем вернулся в Москву; он смог

добиться благосклонности маршала Нея, был назначен членом муниципалитета, и тогда, в качестве служащего французского правительства, он возвратил свою семью и свое имущество, находясь под защитой офицера и пятнадцати солдат. В свою защиту Штельтцер сказал, что он тщетно пытался покинуть город, и только силой был взят на работу в муниципалитет. А свое пребывание в Москве и игнорирование указа отъезда из-за денежных затруднений, так как получил свою заработную плату в медных деньгах, которые вынужден был спрятать в своем погребке. Было установлено, что он, как все другие преподаватели получил более трети зарплаты в медных деньгах, но эта причина сама по себе не могла препятствовать его решению, если бы он действительно желал оставить город. Все было удостоверено заявлениями ректора и других членов Университета. Сенат, хотя и не находил предмет, который бы напрямую обвинил Штельтцера во вредных действиях при исполнении служебных обязанностей в качестве члена французского правительства, осудил его за то, что он добровольно остался в Москве в поисках милостей от вражеского маршала, и лжесвидетельствовать в суде, его лишили всех прав и выпроводили

за границу.

106

При формировании корпуса добровольцев, помощник архитектора Щербачев попросил быть принятым в полк егерей, но, когда он получил приказ отправиться и приступить к своей должности, он, чтобы не отправляться туда, сослался на серьезную болезнь, которая ему якобы помешала это сделать. По его собственному признанию, он побежал взять оружие в Арсенале, чтобы встретить приход врага, вооружив себя и своих домашних. Он утверждал, во-первых, что его арестовали на улице, затем он сказал, что он был схвачен в своем доме, отведен к Наполеону, а тот оставил его в своей свите, но в то же самое время он уверял, что он не выполнял на этом посту никаких функций.

И все же трудно поверить, что бесполезно человек, ничего не делающего, не выполнявшего никаких функций, будут содержать в императорской свите. Более того, в свою защиту, Щербачев брал людей, которые, как было доказано, не заслужили упреков, но, наоборот, оказали важные услуги, защищая и предотвращая грабеж собственности большого числа беззащитных жителей; всю вину он вешал на служащего Вишневого. Сенат, который во всем этом деле проявил много сдержанности и умеренности, осудил Щербачева, как подозреваемого в серьезных нарушениях закона, навсегда быть исключенным из любой государственной службы.

107

Иностранцы Марк, Меньян, Куст, Ребе, Бекаделли, Канашевский и Гибель, хотя и не принимали присягу, но не могли быть изобличены в нанесении ущерба России. Но не смотря на это Сенат приговорил их к высылке за границу, а первого с потерей прав на четырнадцатый класс.

Купец Капустин и крепостной Татаринов были осуждены за чтение и распространение среди людей, прокламации противника; их действия, хотя и приносили определенный ущерб России, но были квалифицированы непоследовательностью и были помещены под арест на месяц. Француз Виллер, лектор (магистр) Московского университета и секретарь Общества естественных наук, содержал

школу-интернат для мальчиков. Конечно, не без скрытого умысла оставался в Москве; он принял место начальника полиции, вовлек других людей на должность комиссаров полиции и шпионов, и представил командующему список людей, способных выполнять эти функции. Когда Наполеон решил покинуть Москву, он дал ему деньги, чтобы Виллер мог тронуться в путь; его целью была Варшаву. Видя, что преследование французской армии русскими войсками могло плохо обойтись для врага и для него самого, Виллер

108

не продолжил свой маршрут, а предпочел удалиться в Шклов, и оттуда он пошел в Черниговскую губернию, Стародубовского района, где он нашел убежище у господина по имени Борозда, чьих детей он воспитывал; там он был арестован и доставлен в Москву, где через некоторое время содержания под стражей во временной тюрьме. По приказу министерства полиции Петербурга, привезенного в этот город, через некоторое время он был освобожден. Сенат, не имевший точных сведений, воздержался от того, чтобы объявлять решение против него (1).

Купец Дюлон не смог быть уличен в том, что оказывал противнику услуги врагу во время своей службы заместителя мэра, но он подозревался в том, что принимал участие в совете муниципалитета и пытался заставить людей служить врагу: некоторые из обвиняемых заявляли, что приходя к нему домой, их там же назначали на различные должности. Сенат, не имевший никаких осязаемых доказательств, не вынес каких-либо судебных решений против него.

Купец Прево (2), один из комиссаров, не мог быть уличен ни в каком враждебном акте, и за неимением презумпций, Сенат не вынес никакого приговора против него.

См. примечание 6 ниже.

См. примечание 7 ниже.

109

Тем не менее, после вскоре стало известно, что в интересах своей торговли он был приведен к присяге в России, оставаясь при этом французским подданным, что подтверждалось свидетельством

французского консула, Пато д' Орфланс (1); тем самым был поднят законодательный вопрос о принятии присяги иностранцами.

Лица, указанные выше, образуют первую категорию обвиняемых, по которым Сенат нашел нужным вынести приговоры или осуждения. К второй категории принадлежат те (37 человек), которые заполнили рабочие места, навязанные врагом, но не смогли быть убежденными принять их поручения по своей воле. Упомянем, например, купца Коробова, наделенного званием помощника декана Козлова, члена муниципалитета, а также других лиц, носящих чисто русские имена, которые были направлены в близлежащие деревни, чтобы купить продовольствие; пользовались ими из-за их имен, внушавших больше доверия к крестьянам, и все же они контролировались в процессе выполнения своих функций отрядом, который шел следом и был более ответственным, и эти произвольные исполнители действовали по закону сильнейшего. В общем, все дела и поступки людей этой категории пользовались

См. примечание 8 ниже

В общем, все действия людей этой категории не пользовались успехом у противника; напротив, многие из этих людей способствовали тому, чтобы спасти собственность короны, так, член муниципалитета Суцов, оставшийся в Москве по приказанию университетских властей, сигнализировал об участии в постановлениях французской администрации, мешая грабежу типографии Университета.

Согласно Указу Сената, третья категория состояла из людей, без каких-либо обвинений, выдвинутых против них, и не были преданы суду ни по какому подозрению; их было двадцать один. Если некоторые и оказались занесены в список служащих, есть доказательства того, что они были посчитаны только на бумаге, а в действительности они не принимали никакого участия в управлении. Находим в числе этих последних людей имя надворного советника Вишневого, Щербачев обвинил его, но после расследования было доказано, что ему было поручено сохранение мебельного склада, жизнь пяти приходских священников и около пятисот человек, среди которых, он защищал собственность от грабежа (1).

(1) В работах А.Е. Булгакова был список служащих почтовой службы, которые остались в Москве во время французской оккупации; они были

111

Два имени были зарегистрированы отдельно Указе Сената, это купец Позняков и служащий канцелярии, писарь Орлов. Позняков был использован французским интендантом для покупки продовольствия, но его преступление не ограничилось только этим; он пользовался своим служебным положением, чтобы в соответствующих случаях, присваивать товары других лиц; Московский уголовный суд приговорил его за этот факт к принудительному труду и Сенат больше не занимался его делами в французской администрации. Писарь канцелярии Орлов был задержан в селе Черная Грязь, когда он выведывал информацию о положении Российские войск; при нем нашли французский паспорт на его имя. Орлов был осужден Сенатом, как шпион и предатель.

Кроме того, по приказу Его Величества

пронумерованы, всего 21 человек; в верхней части списка находятся имена тех, кто, решив не покидать город «пожертвовал собой, чтобы спасти почтовый дом, собственность короны.» Упомянув тех, кто, по слабости характера, подчинились обстоятельствам, называя их по именам, будет справедливо назвать имена тех, кто забыл свою собственную безопасность и думал только об общем деле. Этими служащими были советник суда Кристофер Фихтнер, штатные советники Николай Руфимски и Иван Воронин, коллежский регистратор Павел Рудин.

112

Императора, Сенат рассмотрел дело хозяина конюшен (шталмейстера) Загряжского, отставного служащего, который был упомянут в предписании, посланном из Москвы графу Ростопчину; в этом предписании Загряжский сам говорил, что жил в том же доме, что и Коленкур, бывшего раньше послом при дворе России, сумев, благодаря этой связи, спасти много русских от грабежа.

Он не был уличен ни в каком вредном действии, но шла речь о том, чтобы знать, остался он в Москве по совету Ростопчина ли, Милорадовича ли, или по собственному желанию. Факт этот не смог быть разъясненным и все следствие прекратилось после императорского манифеста.

Дело помощника квартального комиссара Лакруа также не было рассмотрено, за неимением необходимых сведений.

**Вот полный список людей, преданных суду Сенатом.
Вначале мы восстанавливаем список служащих
муниципального совета:**

Мэр города: *Петр Иванович Находкин*, купец Москвы 1-ой гильдии.

Вице-мэры: 1. *Алексей Д. Бестужев-Рюмин*, надворный советник и служащий Вотчинного департамента; был ответственен за заботу о бедных.

2. *Жорж Меньян*, вюртембержец; ответственный за наблюдение за мелкими предприятиями.

113

3. *Жак Дюлон*, московский купец; Контроль улиц, дорог и мостов.

4. *Теодор Фракманн* (1) (корпус ученых), типичный московский буржуа; ответственность за построй.

5. *Петр Коробов*, московский купец; отвечает за покупку продуктов питания.

6. *Николай Николаевич Крок*, сын московского купца; надзор за спокойствие города.

Члены муниципалитета:

1. *Кристиан Штельтцер*, дворянин 7-го класса (профессор Университета), контроль за спокойствие народа, правосудием и полицией.

2. *Иван Кузьмич Козлов*, московский купец третьей гильдии; надзор за мелкими предприятиями и попечение за отправлением культа.

3. *Иван Переплетчиков*, московский купец; надзор за ремесленниками и забота о бедных.

4. *Андрей Конюхов*, надворный советник (Московский егермейстер); ответственность за расквартирование войск.

5. *Жан Кульманн*, надворный советник (первый хирург Управы Благочиния

(1) См. Примечание 9 ниже

114

[окружной суд]), ответственный за контроль над больницами и

отправлением культа.

6. *Фердинанд Брион* (1), бывший командир роты; ответственность за построй.

7. *Христофор Донорович*, Титулярный советник; надзор за ремесленниками и забота о бедных.

8. *Андрей Суцов*, Титулярный советник (служащий Московского Университета); забота о бедных.

9. *Василий Юдинович Бородин*, московский купец 1-й гильдии; ответственный за построй.

10. *Григорий Никитович Кольчугин*, московский купец 2-й гильдии: надзор за отправлением культа в больницах и забота о бедных.

11. *Василий Федорович Коняев*, московский купец 2-й гильдии.

12. *Павел Петрович Находкин*, сын купца; надзор за ремесленниками, забота о бедных и выполнял функции переводчика.

13. *Андрей (Анри) Келлер*, иностранец; ответственный за построй.

14. *Жорж Мерманн*, за иностранец; надзор за порядком, общественным спокойствием и правосудием.

Секретарь: *Карл Карлович Куст*, иностранец; прослыл как заместитель комиссара.

(1) См. Примечание 10 ниже

Кассир: *Кристиан Фе* (Veh) (1), купец из Дерпта. надзор за улицами, дорогами и мостами.

Главные комиссары:

1. *Виллер*, магистр Московского университета; выполнял функции начальника полиции.

2. *Плюже*, иностранец.

Комиссары:

1. *Жорж Паланж*, отставной младший лейтенант.

2. *Франсуа Реми*, дворянин 14-ого класса (учитель гимназии и Александровского института).

3. *Жозеф Бушотт*, иностранец.

4. *Жан Визар*, иностранец.

5. *Даниэль Фабэ*, иностранец (артист, художник).

6. *Жорж Лаланс*, иностранец.

7. *Ларион Смирнов*, московский купец 2-ой гильдии..
  8. *Александр Мишалов*, московский купец 3-ьей гильдии, надзор за освещением города и за вывозом мертвых тел, загромождающих улицы.
  9. *Мишель Марк*, имевший разряд 14-ого класса, учитель в Екатерининском институте.
  10. *Франсуа Ребеи*, иностранец.
  11. *Пьер Мерзан*, Коллежский регистратор, учитель в школе-интернате Университета.
  12. *Хумберт Дро*, иностранец.
- (1) См. Примечание 11 ниже.

116

13. *Шарль Лассан*, иностранец,
  14. *Николай Борн*, иностранец.
  15. *Жозеф Чернич*, иностранец, профессор физики.
- Помощники комиссар:
1. *Петр Басков*, майор в отставке.
  2. *Василий Галданов*, капитан (помощник офицера отделения полиции Москвы).
  3. *Павел Нечаев*, титулярный советник.
  4. *Сергей Цалитов*, титулярный советник.
  5. *Василий Виноградов*, секретарь коллегии (служащий второго отдела, Московского надворного суда).
  6. *Михаил Штоколов*, секретарь правительства.
  7. *Иван Ермолев*, освобожденный крестьянин.
  8. *Георгий Ушаков*, крепостной крестьянин.
- Переводчики:
1. *Александр Крутицкий*, московский купец, в отделе полиции.
  2. *Павел Петрович Коробов*.
  3. *Жан Жером*, иностранец, для тайных миссий.
  4. *Шарль Руссело*, иностранец, выполнял функции инспектора Спасских казарм.
  5. *Пуссен Прево д'Иражлю* (1), иностранец,
- (1) См. Примечание 12 ниже

был инспектор больницы в Екатерининском институте.

Люди, выполняющие различные функции:

1. *Иван Шербачев*, секретарь правительства, помогал архитектору при Управе Благочиния (окружной суд), назначался на различные рабочие места Наполеоном и Мюратом.
2. *Гравский*, секретарь коллегии (сотрудник экспедиции Кремля), использовался маршалом Мортье для перевода устных прошений.
3. *Жозеф Бекаделли*, иностранец, был помощником комиссара.
4. *Андрей Конашевский*, иностранец, то же.
5. *Огюст Гебэль*, иностранец, то же.
6. *Максим Капустин*, московский купец.
7. *Ильяя Патаринофф*, крепостной крестьянин.

Следующие люди согласно заявлению Сената были признаны, как не выполнившими никакой функции, но были под судом только по одному лишь подозрению:

1. *Иван Петрович Исаев*, московский купец 2-ой гильдии; он включен в список (приводившийся выше), а также в регистр, напечатанный в газете «Русские Архивы» (1864 г, стр. 839, и 1866 г, стр. 697) как член муниципалитета, ответственный за наблюдение мостов и шоссе. Имя написано по ошибке в списке: Иван Шаиев.

2. *Иван Петрович Дронов*, московский купец 2-й гильдии; в списке и реестре, она отнесен как член, ответственный за общественное спокойствие и правосудие.
3. *Василий Романович Шметов*, московский купец, в списке, как надзиратель за ремесленниками, и в реестре, как надзиратель за больницами и отправлением культа.
4. *Петр Пелл*, сын купца из Петербурга, в список внесен под именем Петр Пал, где он говорит, что выполнял функции секретаря муниципалитета.
5. *Иван Поспелов*, титулярный советник (служащий Московской императорской казны, для сумм резерва), внесен в список комиссаров.

6. *Луи Визарт*, иностранец, секретарь правительства, в списке указан в качестве помощника комиссара.
7. *Егор Немизадзев* (более правильно Немтадзе), секретарь коллегии (Московский обер-егермейстер), внесен в список как тот, кому уже за пятьдесят.
8. *Александр Петров*, секретарь правительства (служащий Казенной палаты).
9. *Егор Ромадин*, секретарь Сената, внесен в список как помощник комиссара.
10. *Василий Тляпугин*, коллежский регистратор (Московский обер-егермейстер),

119

вошел в список в качестве комиссара; там он ошибочно назван Тирпугин.

11. *Иван Николаев*, коллежский регистратор, вошел в список в качестве помощника комиссара.
  12. *Иван Миронов*, прапорщик в отставке; помощник комиссара, в соответствии с перечнем.
  13. *Николай Репников*, учащийся Воспитательного дома; в списке приводится как Ратников; выполнял функции сторожа.
  14. *Гавриил Вишневецкий*, надворный советник (использовался в Кремле экспедитором).
  15. *Корбетский*, коллежский асессор.
  16. *Андрей Ключарев*, дворянин 8-го класса, уполномоченный комиссар.
  17. *Оде д'Сион*, бывший лейтенант литовского гвардейского полка.
  18. *Василий Халм*, хирург.
  19. *Яков Шарин*, купец.
  20. *Израилевич*, еврей.
  21. *Михаил Карнеев*, купец.
- Люди, чей суд был приостановлен после императорского манифеста:
1. *Петр Загряжский*, нынешний государственный советник (ранг генерала).
  2. *Павел Лакруа*, коллежский регистратор.
  3. *Орлов*, писарь канцелярии.

Следующие лица были осуждены по другим обвинениям, ими являются:

Иван Гаврилович Позняков, московский купец 3-й гильдии, который

120

в соответствии со списком и реестром, был обвинен управляющий по закупке пшеницы и других специальных комиссий, вместе с ним еврей *Израилевич*, который был сослан в Витебск.

Существовали еще несколько человек, которые предстали перед судом за различные правонарушения, но чьи имена не упомянуты в указе Сената, ими являются: уже названный иностранец *Пюжо*, последовавший за армией противника за границу; капитан швейцарской службы *Жан Леонель Буржуа*, который в соответствии со списком и регистром был инспектором больниц и религиозных обрядов, по-видимому, он последовал примеру Пюжо; и московский мещанин (буржуа) *Иван Штанников*, который в соответствии со списком был нанят *Вишневым* на различные торговые дела для французов; последний умер во время следствия.

Были многие другие, которые были вызваны в Москву для расследования их дела, но позже они были отправлены в Смоленск, как подпадающие под юрисдикцию комиссии этого города (1).

(1) Отсюда следует, что в деле людей, принимавших участие в муниципальной администрации, установленной французами, считаются восемьдесят семь имен (не считая несколько индивидов, которых не смогли обнаружить; Двадцать из этих имен вновь не оказываются внесенными ни в список, ни в реестр; в инструкции также нет

121

Решения, вынесенные Сенатом, не были приведены в исполнение, остановленные императорским манифестом от 30 августа 1814 года, который сообщал о счастливой новости восстановления мира в Европе. В 7-ом пункте 19-ого параграфа манифеста говорится: « В основном и целом количестве народов, которые являются нашими верноподданными, Мы находим к Нашему большому сожалению несколько сбитых с дороги людей, но к Нашему утешению они находятся в очень небольшом количестве; некоторые люди, под страхом и угрозами врага, вовлеченные его красивыми словами и его обольщениями, испорченностью своих обычаев и своих плохих чувств, забыв священный долг любви к

отечеству и добродетели, действовали заодно с несправедливым врагом и ненавидели Бога и людей. Правосудие, учитывая размер их вины, должно было бы наказать этих последних, но Мы даем им всем полное и целое помилование, слушая лишь милосердный голос, который говорит

еще четырех имени это: Кристиан Федороцкий, член муниципалитета, надзиравший за службой путей сообщения и помощник-хирург Филипп Пузырев, значившийся как помощник комиссара; преподаватель Коммерческой академии Богдан Анкей, ответственный за наблюдение за бедными, разместившийся в дом князя Дадян; и иностранец Крок (это имя два раза оказывается в регистре), следивший за общественным спокойствием.

122

в нашем сердце в результате нашего благословенного и радостного торжества. Поэтому Мы приказываем, чтобы на всей протяженности Нашей империи, выпустили на свободу всех тех, кто в результате этих событий был арестован, сослан или задержан каким-либо иным образом. Подобным же образом Мы приказываем вернуть им конфискованное движимое и недвижимое, сохраненное по сей день; прекратить преследование и не испытывать к ним каких-либо ограничений (домогательства). Одним словом, вернуть их в состояние, в котором они были до впадения в эту ошибку, что Мы прощаем их великодушно и предаем забвению, с надеждой, что эта победа и Наше милосердие, побеждая справедливость, вернет их к спасительному покаянию, и что в будущем, по их образцовой жизни, они сотрут из памяти людей те действия, которые лишили их этого ценного актива: уважения здравомыслящих людей.»

Этими словами мы закончим нашу статью.

Николай Киселев.

